

НАЦИЯ

РОМАН

90 МИЛЬ ДО РАЯ

ВЛАДИМИР ЕРАНОСЯН

Владимир Ераносян 90 миль до рая

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3947565

Владимир Ераносян «90 миль до рая», серия «Нация»: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-58375-1

Аннотация

Сюжет книги основан на потрясшей мир подлинной истории самого громкого киднеппинга нового тысячелетия. Кубинская женщина вместе с шестилетним сыном Элианом Гонсалесом попыталась бежать из Кубы в США. Судно, на котором они плыли, потерпело крушение, женщина погибла, а Элиан вместе с тремя взрослыми выжил и добрался до побережья Флориды на автомобильной камере. Вот она, долгожданная Америка, рай на земле! Но маленькому мальчику Америка вовсе не показалась раем. Ситуацию усугубил тот факт, что на Кубе остался любящий его отец.

Содержание

2 декабря 1999 года	5
Муниципия Варадеро, Куба	11
Карденас, провинция Матансас, Куба	19
22 ноября 1999 года	43
Утро 23 ноября 1999 года	49
2 декабря 1999 года	51
Гавана, Куба	53
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Владимир Ераносян

90 миль до рая

В решающие моменты истории народа поведение одного человека может компенсировать бесчестие, которым покрыли этот народ все его предатели, вместе взятые.

Фидель Кастро

Моей маме, моему сыну Максиму и всем отцам посвящается

Сюжет основан на реальных событиях, исторической хронологии и достоверных источниках.

Вымысел присутствует лишь для придания повествованию еще большей правдоподобности.

Поистине, этот остров – самое красивое место из тех, что когда-либо видел человек.

Христофор Колумб

2 декабря 1999 года Гавана, Куба. Дворец революции, резиденция Председателя Государственного совета Республики Куба Фиделя Кастро Рус

Они не забыли, какой сегодня день. В этот день 43 года назад он вместе с восьмьюдесятью одним повстанцем, среди которых был и Че, скорченный астмой и изможденный морской болезнью, высадился с яхты «Гранма», чтобы победить или умереть...

Стол накрыли в комнате отдыха, примыкающей к рабочему кабинету. Лобстеры, омары, тигровые креветки в кисло-сладком соусе, деликатесная рыба парга, жаренная в сметане на гриле, его любимое испанское вино полувековой выдержки и бутылочка шампанского «Dom Perignon» – все это кричащее изобилие могло сбить с толку и расслабить кого угодно, но только не Фиделя.

Команданте предстояла важная встреча. Брат Рауль привез в столицу Хуана Мигеля Гонсалеса Кинтана, уроженца провинциального Карденаса, мелкого служащего – кассира одного из отелей курортного Варадеро. Из-за него, а вернее, из-за его шестилетнего сына разразился международный скандал...

За день до встречи соратники в один голос отговаривали идти на поводу у американской судьи с типичной латиноамериканской фамилией Родригес, убеждали, что не следует отпускать неискушенного Хуана Мигеля на суд в США. Рауль уверял, что молодого человека в Америке ожидает изощренная психологическая обработка и прямой подкуп.

– Ему не устоять, – так и заявил брат днем раньше и все же, в глубине души надеясь на чудо, лично отправился в Карденас, чтобы доставить в Гавану безутешного отца.

– Как думаешь, он не подведет? – Из-под густых черных бровей на Рауля смотрели все те же огненные зрачки, которые могли испепелить любого в дни штурма казарм Монкада, но пламя которых заметно потускнело со времени победы революции. Не от разочарования в идеалах, а от людского предательства.

– Я уже не уверен, – задумчиво вымолвил Рауль. – Он слишком молод и слишком категоричен в суждениях.

– Мы тоже были молоды, были максималистами.

– Но мы воевали на своей земле, а ему предстоит принять бой в стане врага, причем в самом его логове, в Майами, где обосновалось все это гнилье, гусанос.¹

– На все воля Божья...

Глаза Рауля непроизвольно сощурились. Кто бы мог подумать, что на исходе девяностых атеизм Фиделя начнет отступать под натиском поселившегося в его пылкой душе сомнения. Не вернется же он к своим подростковым истокам... В детстве он считался одним из самых прилежных послушников иезуитской школы. Но спустя какое-то время, благодаря костным догматам и заскорузлым буквоедам из среды настоятелей, он неожиданно стал атеистом. Глубоко верующая католичка-мать ничего не смогла поделать с утратой сыном веры, его пытливый ум требовал доказательств, а у Лины Рус – дочери колдуньи-самоучки – не хватало образования. Кстати, Сталину учеба в духовной семинарии тоже не мешала править безбожниками. Факт. На протяжении всей жизни он цитировал Евангелие, а уни-

¹ Гусанос – черви. Пренебрежительное прозвище, данное гражданами Кубы своим бывшим соотечественникам, бежавшим с острова в США.

чтоженная Лениным Православная церковь разрослась приходами именно при его культе личности.

Но чем грозит подобное перерождение социалистической Кубе? Чего стоило позволение Фиделя принимать верующих в Коммунистическую партию! А его заигрывание с Понтификом и Конгрегацией Святой Канцелярии! Бразильский священник Фрай Бетто даже выпустил книгу на эту щекотливую для марксистов тему. Сочинение «Фидель и религия» одновременно ввергло в шок и Ватикан, и атеистическую партийную верхушку.

Нет уж. Полагаться на Провидение – пожалуй, это верх беспечности. На это способен только Фидель...

Никто на Кубе не сомневался, что абсолютный мировой рекордсмен по пережитым покушениям, а их было больше семисот тридцати, «заговоренный» Фидель умрет своей смертью. Но что будет с ними? С теми, кто верой и правдой служил коменданте.

Янки и иммиграция только и ждут смерти Кастро. Они мечтают о реванше со времен позорного разгрома в Заливе Свиней. Молодежь, выросшая в условиях повального дефицита и развращенная непрерывной пропагандой потребительства, вряд ли станет защищать завоевания революции. Конечно, и среди юной поросли найдутся патриоты. Но Рауль верил только в «старую гвардию», в ветеранов национально-освободительных войн в Африке и Латинской Америке. Их насчитывается 400 тысяч. Именно они дадут янки или их наемникам еще разок под зад коленом. Правда, сделать это будет гораздо труднее без харизмы Фиделя...

Они называют Фиделя диктатором. Что они знают об этом?! Что они понимают под словом «диктатор»?! А заявление их экспертов-медиков, что все диктаторы поголовно страдают расстройством желудка, просто смешно. Запоры Гитлера и кишечные проблемы Мао Цзэдуна не распространялись на неврастеника Бенито Амелькара Андреа Муссолини и диабетика Иосипа Броз Тито. У каждого имелись собственные болезни. Было бы странно, если б у старика Фиделя не было проблем с кишечником. Не робот же он, в конце концов!

Схожим было совсем другое – харизма и любовь к военной форме. К примеру, Тито, седьмой ребенок в многодетной хорватской семье, с юных лет мечтал о белой рубашке и лакированных ботинках официанта. Но когда мечта исполнилась и он примерил форму ресторанного халдея, то скоро понял, что эта нарядная одежда не стоит полученных в нагрузку унижений. Может быть, поэтому Тито стал военным и даже в минуты отдыха в своей знаменитой резиденции на острове Бриони, где он не раз купался в бассейне с красавицей Софи Лорен, ходил в сшитой на заказ парадной маршальской форме. Ну и что крамольного в любви к военным мундирам и красивым женщинам? Это норма для настоящего мужчины. Страной должны править психически здоровые люди.

Фиделю, большому поклоннику слабого пола, тоже предпочитавшему военный френч гражданскому костюму, никогда не были чужды подобные слабости, как, впрочем, и выдержанное испанское вино. В этом нет ничего предосудительного. Правда, Рауль отдает предпочтение двенадцатилетнему виски «Чивас».

Когда аскет и романтик Че побывал в гостях у югославского лидера на Бриони, он не понял тяги Тито к роскоши. Возможно, автомобильный гараж из «ягуаров», «роллс-ройсов» и «бентли» и сафари-парк из подаренных эфиопским королем зебр, страусов и леопардов – это было чересчур. Здесь с Че никто и не спорил. Но женщины и односолодовый виски, доставленный специальным рейсом из американского штата Кентукки, порадовали даже Гевару, а Фидель вообще был в восторге.

Стать лидером движения неприсоединения, будучи коммунистом, – в шахматах такие игроки имеют титул гроссмейстера. Югославия при Тито процветала. Смерть маршала уже через год повлекла за собой гибель страны и развал многонационального единства. Неужели смерть Фиделя спровоцирует такую же реакцию? Нет, у Тито не было такого брата, как он,

Рауль. Еще какое-то время у них есть. Будучи у руля, еще можно подготовить преемника. А пока пусть все идет своим чередом.

Тито умел манипулировать сильными мира сего. Доил всех кого не лень. Такова участь лидера маленькой или большой, но слабой страны. Он на лезвии бритвы, на острие ножа, на краю пропасти. И он должен научиться извлекать пользу из своего незавидного положения. Фидель лучше других знал, как это делать.

Кто в сегодняшнем благополучном Китае вспоминает пусть даже реальные рассказы о том, что Великий Кормчий Мао до конца жизни не чистил зубы и опорожнялся в ямку? Что он заставлял крестьян истреблять воробьев, чем навлек на поля насекомых и уморил голодом миллионы людей? Стали бы китайцы чтить Мао Цзэдуна за то, что бархатная обивка его спецпоезда была заклепана золотыми гвоздями? Тогда бы и румынского диктатора Чаушеску не разорвала бы толпа, ведь он ходил на золотой унитаз. Конечно же, нет, Мао зауважали за то, что он выпросил у «хитрого крестьянина», так прозвал Хрущева Фидель, атомную бомбу и поднял китайцев с колен, сделав отсталый Китай великой ядерной державой.

Фидель тоже сделал бывших рабов гордой нацией. Кубинцы должны остаться такими навсегда. Их удел – сохранить независимость родины или умереть! «Поможет ли в этом Бог? Хорошо бы», – подумал Рауль. В таких случаях, кажется, полагается молиться. К семидесяти четырем годам Фидель еще не пришел к алтарю с молитвой. Кто знает, может быть, он созреет к своему восьмидесятилетнему юбилею?

– Да, конечно, – согласился Рауль с фатализмом старшего брата, но про себя подумал, что пустить дело Гонсалеса на самотек было бы непростительной халатностью. В случае, если молодой кубинец, соблазненный обещаниями райской жизни, задумает предать родину, его надо будет нейтрализовать. Как-нибудь. Физически или морально. Неважно. Главное, чтобы народ Кубы увидел неминуемое возмездие за измену...

– Итак, этот молодой человек здесь? – спросил, наконец, Фидель.

Младший брат утвердительно кивнул.

– Давай его сюда, – повелел он Раулю.

– Пригласите Хуана Мигеля Гонсалеса, – приказал порученцам министр обороны.

Хуан Мигель, среднего роста, хорошо сложенный молодой человек с чуть оттопыренными ушами, сидел в приемной на плетеном индонезийском стуле с ажурной спинкой, как школьник, поджав колени, стрепетом ожидая встречи с великим человеком – лидером Кубы. Он не мог поверить, что все это происходит с ним. Его жена Нерси по случаю незапланированного визита в Гавану заставила Хуана Мигеля надеть новую белую рубашку, воротник которой сейчас сдавливал его шею подобно натянутому собачьему ошейнику.

– Пройдите, – шепнул ему на ухо мощный негр из президентского эскорта Фиделя.

Хуан Мигель вошел в «святая святых» – скромный кабинет лидера республики. На стене висел исполненный маслом портрет героя революции, улыбчивого бородача Камилло Сьенфуэгоса, смерть которого породила в иммигрантской среде Майами всевозможные версии о причинах его безвременной гибели в авиакатастрофе. Рядом с портретом висела картина с изображением добровольного труда кубинских детишек в сахарную страду – сафру. Мебель в просторном кабинете Фиделя казалась строгой. В ней не проявлялось и намека на дворцовый кич. Наоборот, немного отдавало безвкусицей, казенщиной и аскетизмом обитателя этих вместилищ.

Появился Фидель. Вот он. Человек-легенда. «Барбудо»² с поредевшей бородой. Гениальный оратор, способный своей пламенной речью в течение многих часов приковывать

² Барбудос – бородачи; так называли повстанцев, возглавляемых братьями Кастро, в народе (исп.).

внимание любой аудитории. Ни разу не сбиваясь, не теряя логики изложения, не путаясь в датах, цифрах, исторических деталях. Человек, обладающий невероятной памятью и непоколебимой волей. Герой и «Эль-Кабальо» – жеребец, сумевший дать жизнь последнему ребенку, будучи 65-летним старцем...

Фидель пожал ему руку. Не позволил подержаться, а именно пожал. Мышца кисти сократилась, и Хуан Мигель ощутил достаточно крепкое рукопожатие большого человека. Молодой мужчина смутился от пристального взгляда человека № 1 на Кубе и чувствуя сверлящий взор человека № 2.

– Хуан Мигель, тебе предстоит поехать в США на суд. Этого требуют обстоятельства, международное право и американская Фемида. На этом настаивают министерство юстиции США и подчиненная ему служба иммиграции и натурализации. Отцовского присутствия на суде по вопросу возвращения твоего сына Элиана хочет и американский народ. Там уверены, что как только ты вырвешься из-под моего надзора, то непременно попросишь политического убежища в США. А значит, проблема воссоединения отца и сына разрешится сама собой, и не стоило поднимать такого шума.

– Я не собираюсь сдаваться. У меня украли ребенка, и я хочу только одного – чтобы Элиан вернули родному отцу, в родную страну, где ему было хорошо.

Слова молодого мужчины тронули Кастро, но команданте не показал виду.

– За 41 год, что прошел после победы нашей революции, американское правосудие не сделало Кубе ни одной уступки, – продолжил Кастро. – Ресурс, которым располагают твои оппоненты, безграничен. Как в юридическом, так и в финансовом отношении.

– А в моральном? – произвольно перебил Фиделя молодой человек. – В моральном?

Фидель переглянулся с братом. Им обоим была по душе реплика этого простого парня из Карденаса, который, не стесняясь авторитетов, стоял на своем.

– Моральная сторона вопроса для нас, кубинцев, всегда на первом плане. Весь народ, как один, включится в эту борьбу за своего маленького гражданина. И вступая в эту схватку, мы должны стоять на прочных основаниях – не только юридических, но и моральных. Но знай, тебя ожидают большие испытания.

– Я готов к ним.

– Твоя решимость похвальна. Но тебе придется взять с собой свою новую жену и своего малыша, а также обеих бабушек Элиана.

– Зачем они там? Я могу полететь за Элианом один.

– И тогда они скажут, что Кастро оставил заложниками на Кубе новую семью Хуана Мигеля и его мать. Молодой человек поставлен в безвыходное положение, он не свободен в принятии своих решений. Он непреклонен в своих попытках вернуть сына на Кубу только потому, что его родным угрожает физическая расправа. Ты этого хочешь?

Хуан Мигель на мгновение задумался. Затем произнес:

– Я понял.

– Они будут предлагать тебе много денег и райскую жизнь...

– В раю не нужны деньги, – уверенно отчеканил Хуан Мигель. – А значит, Америка не может быть раем для кубинца. Это вопрос чести.

– Для нас это еще и вопрос доверия, – вставил свое слово Рауль.

– Не только для нас, – подтвердил Фидель, – Весь народ доверится тебе, Хуан Мигель. Для одиннадцати миллионов кубинцев разных возрастов и полов, наций и этнических групп, католиков и «сантерос»,³ ты и Элиан станете символами нашей родины. Нет страшнее греха,

³ Сантерос – потомки рабов, в основном мулаты, последователи языческого культа «сантерия», имеющего африканское происхождение.

чем обмануть доверившихся тебе людей... Как звали твою первую жену, мать Элиана? – вдруг спросил Кастро, как обычно интересуясь подробностями.

– Элисабет Бротонс, – еле слышно проговорил молодой кубинец. – Она ничего не сказала мне о своих планах...

– Ты изменял ей в период совместной жизни? Хуан Мигель опустил голову.

– Я очень уважал ее, – вымолвил он, оправдываясь.

– Как мужчина, я тебя понимаю, – почесал бороду Фидель.

– А я, как коммунист, рекомендую хорошенько задуматься над своим нынешним положением, – высказал свое мнение Рауль. – Я не призываю лгать и обелять свою персону. Просто помни, что их юристы будут цепляться за любую ниточку, чтобы опорочить тебя, дискредитировать перед миллионами американцев образ коммуниста и, как следствие, унижить Кубу. Цена каждого произнесенного тобой в США слова невероятно возрастет. Необязательно им признаваться, что ты изменял своей супруге. Они могут использовать твою честность как оружие против твоей страны. Не вооружай наших врагов лишней информацией. Не вручай им собственноручно дополнительный козырь.

– Есть одна история в Святом Писании, – вспомнил к месту старший Кастро. – Когда Иосиф, дабы проучить, а затем простить негодных братьев, прибегнул к небольшому обману. Ложь не нужна, если она не используется во имя добра...

Этот аргумент был бы последним, который взял бы на вооружение младший брат. Неужели Фидель забыл, что все эти сорок лет нападков на Кубу янки называли кубинцев безбожниками и привлекали на свою сторону имя Бога. Индейцев конкистадоры тоже истребляли под святыми знаменами. Фидель не мог этого забыть. С его-то памятью. Наверное, он думает, что Бог на стороне Кубы...

На этом разговор не закончился. Кастро попросил Хуана Мигеля на минутку выйти, у него было несколько конфиденциальных вопросов к брату.

– Что передает вражеское радио, которое тебе так и не удалось полностью заглушить? – поинтересовался Фидель.

– Они слишком близко... Нагнетают истерию вокруг мальчика, – доложил Рауль. – Вещают также о приобретенной тобой во Франции флайбриджной яхты с баром, барбекю и мраморной ванной.

– Справедливее было бы поведать об установленных на ней гироскопических стабилизаторах качки и системе, удерживающей яхту на месте без якоря. Теперь наши дайверы смогут снимать для народа затонувшие корабли и фауну Карибского моря, не повреждая брошенным якорем коралловые рифы.

– Еще говорят, что ты подобно Горби, который сожрал итальянскую пиццу для рекламы, дал сфотографировать себя за деньги в испанских кроссовках.

– Дети получили кроссовки?

– Первую партию обуви уже раздали в двух школах Санкти-Спиритуса и детском доме в Аграмонте.

– Они обещали много кроссовок, и Горбачеву наверняка посулили много пиццы...

– Думаю, его не обманули... чтобы он обманул свой народ. К тому же Горби просил не для народа, а для себя, а значит, просил не так много.

– Лидер такого народа вообще не должен был просить... – задумчиво изрек Фидель. – И все-таки я не понимаю, кто дал им право назвать свое поганое радио именем нашего национального героя, Хосе Марти? Заглуши их.

– Они слишком близко...

– Что думаешь насчет этого паренька из Карденаса?

– Ты же знаешь мое мнение. До конца я верил только двоим – брату, тому, что старше меня на пять лет, и Че. Теперь только брату.

– Я хочу поболтать с этим парнем наедине. Отправляйся по своим делам, – велел Фидель и попросил вернуть в его кабинет сеньора Гонсалеса...

– Ты неисправим, – проронил Рауль, уходя. – Ты все еще веришь людям...

Когда Хуан Мигель вновь очутился в кабинете команданте, он понял, что лидер Кубы хочет поговорить по душам.

– Расскажи мне про свою Элисабет и Элиана, – попросил Фидель.

Хуан Мигель поведал ему свою историю и был очень удивлен, что, несмотря на невероятную занятость, лидер страны внимательно выслушал все до конца, лишь иногда прерывая рассказчика требованием подробностей и концентрируясь на деталях.

Муниципия Варадеро, Куба Незадолго до трагедии

Ласаро Мунеро, мелкий хулиган, мечтающий стать крупным контрабандистом, наконец отважился влезть в номер пожилого бюргера из Франкфурта, прибывшего на отдых со своей двадцатилетней внучкой. Подельник взломщика Хулио Сезар, помощник бармена отеля «Сибоней», пообещал отвлечь немца, задержав его на некоторое время у стойки пул-бара.

В номер Ласаро проник сравнительно легко. Пригодились приобретенные в годы ранней юности навыки обращения с фомкой. Тогда он совершил свою первую кражу со взломом, утащив из кабинета директора школы средства, собранные учащимися на закупку лекарств для детей Чернобыля.

В тот период правительство Кубы приняло беспрецедентное решение лечить облученных украинских детишек бесплатно. Если бы Ласаро тогда схватили, дело бы приняло скорее политический, нежели уголовный характер. Но подозрение пало на другого ученика, родственники которого поливали грязью Кастро еще при диктатуре Фульхенсио Батисты⁴ и проживали ныне во Флориде. Невинного паренька исключили из школы, на что Ласаро лишь ухмыльнулся, бахвалясь перед очередной подружкой: «Какие они придурки!..»

«Красота!» – на мгновение восхитился Ласаро роскошному убранству гостиничного номера и тут же, нервно озираясь, приступил к поиску денег и ценных предметов, которые вознамерился складировать в свое соломенное сомбреро. Пошарив в тумбочках, он обнаружил одеколон от «Каролина Херрера». Жидкости в пузырьке было негусто. Он обильно опрыскал себя остатками и двинулся к трюмо. В ящике лежало несколько жеваных купюр достоинством в десять песо. Невелика добыча... Зато на голубом пуфике у кровати он наткнулся на бытовую видеокамеру! Воришка бережно упаковал ее в сомбреро.

Увидев висящий на кресле у журнального столика льняной пиджак, он прошерстил его карманы и извлек портмоне с кредитками. «Чертовы фрицы! Чем вам плохи наличные?!» – обозлился Ласаро. Воспользоваться кредитной картой в Карденасе, как, впрочем, и в любом другом городе, не представлялось возможным. Даже не потому, что владелец, узнав о пропаже, тут же заблокирует ее. Просто на Кубе кредитками пользовались исключительно иностранцы, а Ласаро только мечтал стать таковым.

Да, он планировал получить американское гражданство, ни на йоту не сомневаясь, что добьется своей цели, как только сорвет жирный куш на контрабанде. В его голове в то время не было четкого разграничения терминов «контрабандист» и «американец». Деньги, все решают вожаемые сто долларовые купюры, с которых надменно взирал на смертных увековеченный Франклин.

«Наконец-то хоть что-то стоящее!» – обрадовался Ласаро, наткнувшись на стеклянную вазу. На ее дне лежал увесистый браслет, украшенный распустившимся бутоном золотых лепестков орхидеи. Он автоматически всунул браслет в носок, обвив им щиколотку, и устремился к ванной комнате. Он давно мечтал о зубной щетке «Орал-Би» с моторчиком. Мало ли, может, немец пользуется именно такой. Должно же когда-нибудь повезти! Дверь ванной почему-то оказалась закрытой...

Через секунду она открылась, и перед Ласаро предстала во всей своей красе рыжеволосая Магда фон Триппе, внучка престарелого Милхелена Калана.

⁴ Фульхенсио Батиста – кубинский диктатор, свергнутый вооруженной оппозицией во главе с Фиделем Кастро в 1959 году и бежавший из страны в Санто-Доминго. В 1973 году он умер своей смертью в испанском городе Марбелья.

Имея массу достоинств, Магда не славилась миловидностью. Бирюзового цвета линжери, в которое оделась девушка после принятия пенной ванны, не справлялось с нюансами ее своеобразного телосложения. Нельзя сказать, что она была уродлива... Неженственна, да. Скорее спортивна, нежели мужеподобна. И уж вовсе не противна, что предстояло распробовать Ласаро сию минуту.

Именно так, ибо Магда смерила злоумышленника недвусмысленным взглядом, значение которого Ласаро смог оценить уже в комнате, на кровати. Немецкая девушка приняла единственно верное для себя решение, предпочтя тотальному сопротивлению высокорослому и очень симпатичному кубинцу активную капитуляцию...

А как бы порадовался за внучку дедушка Милхелен, на закате дней увлекшийся не на шутку Зигмундом Фрейдом и подозревающий Магду в лесбийских наклонностях. С ребенком все было в порядке, и этот результат явился итогом его титанических усилий по психологической реабилитации не востребованной даже среди германских турок Магды фон Триппе.

Куба – чудесная страна, где жизнерадостные, приветливые, повсеместно танцующие сальсу, меренге и реггетон люди всегда тебе рады. У них есть до тебя дело. Они в меру благодарны тебе за чаевые. А если ты не одаривал их чаевыми, их белозубые улыбки не становились менее ослепительными, чем, собственно, и обуславливалась некоторая скупость Милхелена в отношении услуги.

По сравнению с турецким Мармарисом, где Милхелен Калан проводил все свои отпуска с покойной Греттой, кубинские курорты давали сто очков форы. Сексапильные мулатки и метиски сновали повсюду, и на их «короткую любовь» к иностранцам власти, а главное, местные мужчины демонстративно закрывали глаза. Правда, полицейские закрывали их мелкими купюрами конвертируемых песо. Сушая мелочь в сравнении с нравами союзнической Порты.

Турки не так гостеприимны. Они бесцеремонны в своих домогательствах к туристам, а их религия чересчур строга к женщинам. То ли дело кубинская сантерия с ее ареопагом богов, ожерельями из мелких морских раковин и семян «священных» деревьев.

Восторженность Милхелена языческими богами, обосновавшимися в стране католиков благодаря потомкам вывезенных с западного побережья Африки рабов, легко объяснялась... В пору правления Гитлера Милхелен подростком вступил в «Гитлерюгенд», где мальчишкам прививалась безоговорочная преданность фюреру германского рейха, вера в расовое превосходство арийцев и благоговейное почитание нордического культа Одина, возглавляющего пантеон языческих богов.

С тех пор прошла уйма времени, но редкий индивид способен кардинально менять собственное мировоззрение. Даже под перманентным воздействием ударов судьбы. Что до Милхелена, то его рождение на родине великого христианского богослова Мартина Лютера никак не мешало его беззаветной любви к повелителю страны нибелунгов королю Зигфриду, воспетой скальдами воинственной Кримхильде⁵ и Одину, как ему теперь казалось, так похожему на кубинского Аягуна – бога войны.

По слухам, докатившимся до господина Калана, сам Фидель находился под покровительством этого самого сильного бога из шестнадцати воплощений Обатала – высшего божества сантерии. Именно поэтому его не брали ни пули, ни заговоры, ни проклятия, и народ обожал его, несмотря на вопиющую нищету, местами близкую к существованию в трущобах.

⁵ Древнегерманская легенда гласит о божественном провидении, предопределившем встречу Зигфрида и Кримхильды в месте падения кометы. Скальды-песенники воспели в своих эпосах их героические свершения и одновременный уход в страну духов-нибелунгов.

бах. Неудивительно, Милхелен Калан был не первым, кто представлял сомневающегося атеиста Кастро адептом своего вероисповедания.

Потребность в мистификации сроднилась в душе немца с азами психоанализа после прочтения им десяти страниц из толстого томика Фрейда. Все «Толкование сновидений» он осилить не смог, но и прочитанного оказалось достаточно, чтобы Милхелен возомнил себя прирожденным психиатром, раскусив потаенные желания собственной внучки.

На Кубе он мог помочь Магде, рискуя всего лишь пятьюдесятью евро. На пляже герр Калан нанял одного из местных жиголо с серьгами на обеих мочках по имени Гильермо и повелел тому под вечер явиться в номер к его девочке под видом массажиста, чтобы убедительно доказать ей все преимущества мужского начала. Милхелен предупредительно снабдил парня презервативом, экономно выдав Гильермо одну штуку резинового изделия.

Магда была предупреждена бабушкой о вечернем визите чудо-релаксатора. Оттого и тщательно подготовилась, буквально омывшись благоуханиями. Дедушка был столь деликатен, что заблаговременно сообщил о своем намерении убить на экскурсию в ночную Гавану. Это означало то, что Магда останется с «кудесником» Гильермо в полном уединении. Хотела ли она воспользоваться ситуацией? Безусловно...

Перед тем как затащить кубинца в постель, Магда сняла с опешившего и онемевшего от неожиданности гостя соломенное сомбреро, откуда посыпалось какое-то барахло, включая одеколон и портмоне деда. И видеокамера... «Мачо» успел поймать ее на лету и аккуратно пристроить обратно на пуфик со словами:

– Битте, данке шон. Хард лайф унд ай эм сори... Дас ист тотален мобилизационен!⁶

На что Магда ответила: «Куба либре! Хаста ла витория сиемпре!⁷», раздела Ласаро до носков, попутно скинула с себя нижнее белье, каким-то чудом, по иронии судьбы, метнув его прямо в цилиндр сомбреро.

Только после окончательного обнажения немки Ласаро смекнул, что существо, внезапно вынырнувшее из ванной комнаты, принадлежало к женскому полу. Это раз. Во-вторых, она не собиралась поднимать шум по поводу его незаконного вторжения. В-третьих, она его явно хотела...

Желание с его стороны никак не проявлялось, но страх иногда вершит чудеса...

Сделав дело, он наспех оделся, водрузил на свою голову сомбреро и помчался по коридору к лестнице, проклиная подельника Хулио Сезара и жадную до любви конопатую нимфу.

Не прошло и минуты, как перед распластавшейся в неге обнаженной Магдой фон Триппе предстал вошедший в открытые двери настоящий Гильермо. Он невозмутимо приступил к своим оплаченным обязанностям, чем вовсе не обескуражил Магду. Совсем наоборот, заставил ее поверить в существование рая на Земле и убедил, что рай простирается в пределах Острова свободы.

Гильермо тоже остался доволен собой и сэкономленным презервативом...

Дедушка вернулся поздно, когда оба псевдомассажиста уже обслужили внучку. Вскрытая фомкой дверь натолкнула его на нехорошие мысли, коими он поделился со своей девочкой. Только теперь Магда припомнила странность в поведении первого «массажиста». Она поведала деду о его неуклюжей попытке умыкнуть видеокамеру и, проверив свои вещи, заявила об исчезновении золотого браслета – подарка родителей в день совершеннолетия.

– Как этот парень выглядел? – строго спросил Милхелен.

⁶ Набор бессвязных словосочетаний: «Пожалуйста, спасибо. Тяжелая жизнь и простите меня... Это тотальная мобилизация!» (англ. – нем.).

⁷ «Куба свободна! До победы всегда!» – революционные лозунги (исп.).

– Прекрасно... – ответила Магда и захныкала, как дитя.

Дедушка обреченно сплюнул в пол и, сняв телефонную трубку, попросил дежурного на ресепшене вызвать полицию с целью зафиксировать факт кражи со взломом.

Полицейские инспектора в сопровождении сотрудников службы безопасности отеля и переводчика прибыли минут через тридцать. Оперативностью здесь и не пахло. Показания Магды выглядели сбивчивыми и рассеянными. В них напрочь отсутствовала логика. Магда как-то неадекватно реагировала на стандартные в таких случаях вопросы следователей, словно читая в них скрытый сексуальный подтекст. Милхелен Калан, глядя на такое поведение внучки, готов был изменить свое в недавнем прошлом негативное отношение к лесбиянкам, отречься от бога Одина в пользу традиционного христианства и сжечь все книги Фрейда, кроме тех десяти страниц, что он прочел с таким трудом. Наконец, очередь дошла до него, и он утвердительно замахал головой, когда его спросили, есть ли у него какие-нибудь подозрения.

– Меня слишком рьяно старался задержать пустыми разговорами один бармен. Его имя... Кажется, его зовут Хулио. Хулио Сезар. Точно! – Милхелен взял инициативу по расследованию в свои руки. – Он неестественно раздражался, когда я пытался отойти от стойки, обижался на мою невнимательность к его пустопорожней болтовне. И еще – он плохо отзывался о Фиделе Кастро и выпрашивал чаевые. Участь Хулио Сезара была предрешена...

* * *

«Улов» Ласаро состоял из золотого браслета и бирюзового нижнего белья – линжери с кружевной вышивкой. Он мчался на своей старенькой «Ладе» шестой модели на свидание с Элисабет, официанткой-передовицей отеля «Парадизо – Пунта – Арена», двадцатишестилетней дурнушкой, страдавшей от невнимания бывшего мужа.

Карденас – городок небольшой. Поговаривали, что Хуан Мигель завел себе любовницу задолго до развода с Элисабет. Разошлись так разошлись! К чему жить под одной крышей? Элисабет сказала, что он никогда ее не любил, просто жалел, и она всегда чувствовала свою ущербность от его жалости. А еще она призналась, что он, Ласаро, подарил ей счастье... Она действительно впервые почувствовала, что значит страсть, что значит быть желанной, ощутить себя женщиной, которую не жалеют, а искренне хотят...

Ласаро искренне желал только одного – как можно быстрее познакомиться с проживающими в Майами родственниками Элисабет. Дядя Элис, его тезка Ласаро, поможет ему на первых порах, а там он и сам разберется. Стратегическая цель – стать миллионером – не казалась такой уж призрачной.

Что до Элис, то тело у нее было очень даже ничего. Правда, таких у Ласаро имелся целый взвод. Но сейчас именно Элис заводила его больше всех. В этом плане Ласаро чем-то напоминал продажную девку, которая получает оргазм лишь от вида золотых краников на джакузи.

На взгляд Ласаро, привязанность Элис к ее бывшему мужу Хуану Мигелю и сыну Элиану доходила до абсурда. В его планах Элисабет играла ключевую роль, и он, как человек с гипертрофированно развитым собственническим инстинктом, с трудом терпел такое раздвоение. Однако он верил, что делить Элисабет с ее бывшей семьей оставалось недолго. Старое будет разрушено в угоду новому!

Ему было невдомек, что прошлое формирует будущее, а часто управляет им. Люди авантюрного склада пренебрежительно относятся к своим давним грешкам, не желают анализировать свои ошибочные поступки. Они думают, что, отмахнувшись от прошлого, быстрее достигнут финиша. Каково же бывает их удивление, когда на финише они встречаются со

своим прошлым, и результат этого неожиданного свидания, по обыкновению, бывает очень печален.

По дороге к «возлюбленной» Ласаро совершил незапланированную остановку. Краем глаза он заметил на вымощенной аллейке у проезжей части знакомый силуэт.

– Надо же, Даяна! – вслух обронил он и нажал на педаль тормоза. Автомобиль со скрипом остановился рядом с девушкой, на груди которой висел рюкзак с малюткой. «Лада» потарахтела секунду и непроизвольно заглохла. Ласаро с трудом опустил стекло – ручка заедала.

– И на этом драндулете ты возишь туристов? – съехидничала девушка.

– Ты же знаешь, что это временно, – не выходя из машины, процедил сквозь зубы Ласаро, злясь на свою тарактелку, которая никак не заводилась.

– У тебя все временно, – продолжила подтрунивать над бывшим сожителем красотка. – Хоть бы разок пришел навестить Хавьера... – немного смягчив тон, произнесла Даяна с укором. Карапуз, услышав свое имя, пробурчал что-то нечленораздельное.

– Зачем же приходить, если я его только что повидал, – бросил Ласаро на прощание, довольный, что машина завелась. Он нажал на педаль газа, без сожаления оставляя позади свою прежнюю любовь и не желая думать о судьбе существа, в жилах которого текла его кровь.

Добравшись до «Парадисо – Пунта – Аренас», он перестраховался, не став глушить мотор. Мало ли. Ласаро с ненавистью вспоминал свои бесплодные попытки проворачивания ключа зажигания ровно до тех пор, пока не почуял обволакивающий приятной истомой запах и не услышал нежный голосок Элисабет. Она уже запрыгнула на переднее сиденье его автомобиля и захлопнула за собой дверь.

– Ты опоздал на десять минут, – прошептала она ему на ухо.

– На то были веские причины, – пробормотал Ласаро, осыпая Элисабет поцелуями. Даже сейчас, после «сеанса одновременной игры», который устроила любвеобильная немка в отеле «Сибоней», Ласаро целовался не без удовольствия. Его влечение подстегивалось осознанием полного превосходства над доверчивой креолкой, коей суждено было превратиться в трамплин для его восхождения. Потом он скажет ей «адьос» и не станет играть в жалость, уподобляясь ее бывшему суженому. К тому же она сама призналась, что жалость только унижает. Верно. Он бросит ее без малейшего сожаления, как только наступит время. У миллионеров должна быть куча креолок, мулаток и чернокожих «чик».

– Подожди, не здесь, – остановила Элис своего героя-любовника. – Горничная Лурдес завела интрижку с постояльцем – нефтяником из России. Он арендовал джип и укатил с ней на Карибские пляжи в Тринидад. Мы без труда сможем пробраться в его бунгало... – словно заговорщица, произнесла она, разжав свою ладонь и показав магнитный ключ.

– Поехали. – Ласаро не надо было уговаривать, когда речь шла о сексе в шикарных апартаментах. Возможности чем-нибудь там поживиться он также не отрицал. Правда, от этой затеи Элисабет уговорила его отказаться еще по дороге. Она использовала простую мотивировку: подозрение сразу падет на нее. К тому же Лурдес сделала для нее доброе дело, а она не привыкла отплачивать за добро черной неблагодарностью. Ласаро неохотно согласился с доводами любовницы.

Вскоре они оказались на месте и действительно, без особого труда, по тайной тропинке Лурдес проскочили мимо охраны на аллейку, ведущую к бунгало отеля «Мелиа Лас-Америкас».

Войдя в дом и увидев роскошное убранство его комнат, Ласаро с горечью воскликнул:

– Почему все это не для нас?!

– Все для нас, но только до двух ночи. Я должна вернуться в Карденас к двум, иначе Хуан Мигель будет волноваться, – заворковала Элисабет, поглаживая своей ладонью шелковые покрывала огромной двуспальной кровати и призывно глядя на Ласаро.

– Вот так всегда. В этой чертовой стране нас ограничивают во всем – и во времени, и в свободном передвижении, – запел свою старую песню Ласаро, подсаживаясь к Элис.

– Эта «чертова страна», как ты выражаешься, наша родина, – нашлась Элисабет.

– А я буду заниматься любовью с активным членом Союза молодых коммунистов, – иронично заметил Ласаро.

– Причем очень активным, – скидывала с себя одежду Элисабет.

– Погоди, – вдруг вспомнил любовник. Сейчас ему особенно захотелось побыть в шкуре реального олигарха. – Я приготовил для тебя сюрприз, вернее, целых два сюрприза. И оба я хочу надеть на тебя, не откладывая на потом. – Он бросил на обнаженную Элисабет невиданной красоты кружевное нижнее белье. Его бирюзовый цвет поразил молодую женщину, которая видела подобные вещи лишь на телах богатых туристов.

– Какая прелесть! – восторженно воскликнула девушка, вскочила с кровати и мигом прильнула к зеркалу. Она вернулась, сияя от счастья – размер подошел.

– Откуда это у тебя?!

– Иди сюда. – Он взял ее за руку, и на ее запястье щелкнул замок крупного золотого браслета с бутоном в виде лепестков орхидеи.

И все-таки скупое сердце дарящего екнуло в груди. Он сам испугался своей нахлынувшей щедрости. Однако успокоился, так как был уверен, что избрал безошибочную стратегию. Теперь Элисабет сделает для него все, чего бы он ни попросил. Жилье и статус политического беженца в Штатах обеспечены!

Элис обомлела. Она не находила слов.

– Откуда это у тебя?! – наконец вымолвила она снова.

– Я знаю, что у тебя это от меня, – ответил «герой», притянул любовницу к себе и овладел ею на громадной, дышащей бесстыдной похотью кровати. Они скользили телами по гладкому шелку, предаваясь порочной любви, не вспоминая ни о чем – ни об отвергнутой Даяне, ни о мягкосердечном Хуане Мигеле, ни о двух малышах, один из которых еще не изведал страданий в силу своего двухмесячного возраста, а другому в скором времени предстояло столкнуться со всем земным злом сразу...

Укротив животное чувство, Ласаро вытянулся на кровати и извлек из перламутрового хьюмидора толстенную сигару «Noyo de Monterrey». Он закурил, взирая на потолок и размышляя вслух:

– Мой отец всю жизнь горбатится, качая нефть из буровой скважины, но никогда не сможет позволить себе такое бунгало. Даже русские поняли, что социализм – фуфло. Их нефтяники теперь чпокают наших девок пачками.

– Тебе что, не хватает девок? – встала Элис.

– Я не об этом. Просто до революции мы целовали в задницу янки, а теперь облизываем пятки европейцам, канадцам и русским. Какая разница? Кубинцы были и остались нищими.

– Зря ты так. А бесплатная медицина, образование, земля, данная крестьянам? Если бы не блокада американцев, мы бы сейчас процветали только за счет своих курортов, – поспорила Элисабет. – Нам просто мешают.

– Как тебя обработало это бесплатное образование! – не унимался Ласаро, продолжая рассуждать, не вынимая сигары изо рта. – На черта оно нужно? Чтобы работать официанткой? Или мыть тарелки за бургерами?

– Нет, чтобы уметь отличать интеллигентных молодых людей от грубиянов, – с обидой парировала Элис.

– Ладно, не обижайся, – примирительным тоном произнес Ласаро. – Лучше скажи, как тебе белье?

– Наверное, такое же попросила купить юного Че Гевару его первая любовь Чичита Ферейро, когда будущий коменданте отправился в путешествие по Латинской Америке, – тут же растаяла Элисабет и продолжила: – Ты никогда не слышал эту историю? Нет? Так вот... Она дала ему пятнадцать долларов и попросила, чтобы он купил на эти деньги комплект красивого нижнего белья в Майами. Путь выдался нелегкий. Но Че не поддавался уговорам своего попутчика Альберто Гранадо потратить эти пятнадцать долларов. Даже когда у них сломался мотоцикл, даже когда они голодали, даже когда у Че обострилась астма и Альберто потребовал эти деньги на лекарство для больного Че.

– И что потом? – ухмыльнулся Ласаро.

– А потом она написала, что устала его ждать...

– Значит, товарищ Че так и не добрался до Майами, как это однажды уже сделал я и сделаю еще раз! Че не купил белье своей Чичите! – смеялся Ласаро. – А я достал своей девушке белье, не покидая пределов Кубы! А теперь сама посуди, что я смогу привезти тебе, когда я вторично доберусь до Майами. А лучше я увезу тебя туда. Только там мои способности по достоинству оценят. На Кубе мне ничего не светит. Нет простора... Кстати, и куда в итоге Че дел эти пятнадцать долларов?

– Кажется, он отдал их нуждающейся семье перуанских политиммигрантов.

– Чего еще ждать от фанатика! Они захотели построить рай без денег, изобрести нового человека из старого сырья. И где сейчас кости Че Гевары? Они сгнили в боливийской сельве! Его тело даже не было предано земле!

– Не говори так! Его останки нашли в боливийском Валлегранде и с честью перезахоронили в Санта-Кларе! Через тридцать лет нашли! – возмутилась Элизабет.

– Да слышал я, что боливийские индейцы поклоняются великому команданте не меньше наших коммуняк, – выпуская дым кольцом, изрек Ласаро. – Что жители Санта-Круса и Валлегранде даже огорчились, когда у них забрали кости...

– Не смей! – крикнула на него Элис.

– Сама начала про своего Че, – с укором заметил Ласаро. – Ты же знаешь, что меня бесят эти байки про героические подвиги партизан. Давай лучше спустимся на землю. Здесь намного интереснее. А еще интереснее – в Майами. У тебя же там родственники. Надо рвать к ним!

– Глупости! – фыркнула Эллис. – Меня на Кубе все устраивает. У меня прекрасная работа в Варадеро. Я ни в чем не нуждаюсь. И бывший муж неплохо зарабатывает...

– Муж?! – На Ласаро нахлынул приступ гнева. – Похоже, ты никогда не забудешь своего Хуана Мигеля!

– Прекрати ревновать. Мы с ним как брат и сестра, – оправдываясь, молвила молодая женщина.

– Открой глаза! Он зарабатывает?! – с надрывом декларировал Ласаро. – Да он ноль! Ты век просидишь в этой яме, так и не увидев света! Ты не променяешь эти гроши на настоящий рай! Только в Штатах мы будем счастливы, будем иметь все!

– Там что, нет нищих? Нет гетто? – не соглашалась упряmica. – Там не надо работать? Там все богачи и нет официанток и посудомоек? Что, богачи сами за собой убирают? Дети цветных ходят в престижные школы наравне с отпрысками миллионеров?

– Дура! – зашипел от ярости Ласаро. – Мы будем богачами! Я заработаю столько денег, сколько не снилось твоему тупому муженьку. Еще здесь, на Кубе, заработаю! Знаешь, сколько умных людей хотят переправиться туда? Тысячи! Я помогу им. Контрабанда! Слышала?! Контрабанда кубинцами. Тысяча долларов за каждого переправленного в Майами. Я

сделаю миллионы, и мы с тобой будем жить, как в сказке. И не в этой забытой Богом стране, а в истинном раю. Поняла?!

Элисабет молча сняла с себя бирюзовое белье, затем браслет и оделась в свое скромное платье, чем окончательно взбесила Ласаро. Едва сдерживаясь, он гавкнул:

– Ты хочешь унижить меня, не приняв моих подарков?!

– Я просто не знаю, что скажу Хуану Мигелю, если он увидит на мне такое белье и такой браслет.

– Любовь моя, – собрав всю волю в кулак, зашебетал Ласаро. – Мне очень неприятно, что ты продолжаешь жить под одной крышей со своим бывшим муженьком, и видимо, я должен смириться с тем, что он до сих пор может видеть тебя в нижнем белье. За двенадцать лет брака он тебя и не в таком виде рассматривал. Надеюсь, сейчас он такой возможности не имеет... Но знай – я сделал тебе подарок от чистого сердца. Неужели тебе не понравилось? Ведь это белье – оно так тебе идет, а браслет – ты в нем словно испанская королева.

– Скажешь еще, королева... – вновь начала таять Элис. Она бросила взгляд на браслет, думая, найдутся ли в ней силы перебороть искушение, чтобы не надеть браслет снова. Им можно было любоваться без конца. Какая тонкая работа... – Я могу сказать Хуану Мигелю, что русский нефтяник подарил его Лурдес, а ей срочно понадобились деньги. – Соблазн победил, Элис сдалась.

– Умница, – похвалил Ласаро, – узнаю свою девочку. Так ты схватишь фламинго за обе лапки – сможешь без страха носить браслет и встрясешь из Хуана Мигеля долларов триста.

– У Хуана Мигеля? Триста долларов? Это почти все его сбережения... – как загипнотизированная, прошептала Элис. Ей пора было ехать домой. Она не отважилась бы на такой обман никогда... Если бы украшение не выглядело столь прекрасно. Это не сувенирное изделие из ракушек, даже не черный коралл в серебряном обрамлении. Настоящий шедевр ювелирного искусства. Она в нем, как испанская королева... Ради такого чуда можно чуточку соврать.

Элис села в машину Ласаро, чтобы отправиться в Карденас. На ее руке красовался браслет, в ее сумочке лежало новое нижнее белье, а в ее голове сформировалась четкая и очень правдоподобная легенда по поводу своих неожиданных приобретений. Ее Элисабет собиралась изложить бывшему мужу, чье уважение она меньше всего хотела потерять.

Она оправдывала себя тем, что Хуан Мигель обещал купить ей что-нибудь очень дорогое в подарок сразу после рождения Элиансито, но так и не выполнил обещание. Он добрый. Из него веревки можно вить. Такой простак. Эх, если бы в свое время он не был таким невнимательным. Не то что Ласаро. Этот парень знает, чего хочет сам и чего хотят женщины...

Люди всегда верят в разное, а предают всегда одинаково.

Карденас, провинция Матансас, Куба

Хуан Мигель безмятежно спал в обнимку с маленьким Элианом, аккуратно укутанным в нежное пуховое одеяло, что подарила внуку бабушка Ракель – мама Элисабет.

Весь день мальчуган играл с соседскими ребятами. Сначала в бейсбол, а затем в футбол. Нет, в команду его пока не брали. Мал еще. Но набегался он вдоволь, а пару раз ему даже удалось ударить по мячу, когда тот вылетал за пределы поля.

Папа все время находился рядом. После очередного «аута», когда мяч вновь оказался в непосредственной близости от Элиансито, малыш, не раздумывая, бросился к нему, стукнул изо всех сил и помчался вслед, удаляясь от футбольного поля. Его догнал восьмилетний Лоренсо, капитан проигрывающей команды, раздосадованный от собственной беспомощности. Он злобно гаркнул на Элиансито, выдав целую тираду с требованиями отдать мяч:

– Дай сюда! Это мой мяч! Не мешай играть!

Отобрав предмет вожделения малыша, он тут же запустил его в игру броском с края площадки.

Секунда сочувствия зрителей к расстроенному Элиансито, глаза которого увлажнились от нестерпимой горечи, истекла, и все с неподдельным усердием принялись вновь болеть за своих любимцев. Только папа с пониманием отнесся к «большой трагедии» маленького Элиана, подбежавшего к отцу разделить свою обиду.

– Ничего страшного, – подмигнул он сыну, – года через два ты вырастешь и будешь играть, как аргентинец Диего Армандо Марадона, король футбола. И тогда он захочет приехать в Карденас.⁸ Ему будет любопытно посмотреть на мальчика, который стал таким же волшебником в игре, как он. А когда он тебя увидит, то лично вручит настоящий футбольный мяч со своим автографом.

Увлеченный рассказом отца, маленький Элиансито почти забыл о только что испытанном унижении. На его лице вдруг проявилось детское коварство – он представил, как жонглирует пятнистым мячом на глазах своего обидчика, восьмилетнего капитана дворовой сборной, после чего Лоренсито принимает его в состав команды и Элиан забивает гол.

– Папа, а Марадона не может приехать пораньше? – спросил мальчуган у отца.

– Нет, сейчас у него проблемы с обувью, – быстро нашелся Хуан Мигель. – Ему не в чем ходить. Бутсы порвались после очередного матча, а он к ним так привык.

– Как порвались? – удивился мальчик.

– Он слишком сильно ударил по мячу...

– Тогда пусть наденет новые бутсы, – предложил Элиансито.

– В том-то и дело, что он скорее провалится, чем станет играть в других бутсах. Его ноги не будут чувствовать себя комфортно в новой обуви. Это как родной дом. У кого-то может быть более просторная квартира с красивой мебелью, но, оказавшись в гостях, ты мечтаешь лишь об одном – о своем доме, где ты сам себе хозяин, где чистота и порядок зависят только от тебя, где аккуратно стоят твои игрушки. И ты рад! Ты всегда рад гостям, если только они не садятся тебе на голову, пользуясь твоим гостеприимством. Тогда ты, конечно, вежливо попросишь не в меру разошедшихся постояльцев убраться восвояси.

– Восвояси! – повторил Элиансито смешное слово и захохотал.

– А ты говоришь: «Новые бутсы»... – подытожил Хуан Мигель. – Вот когда Марадона починит свои любимые бутсы, тогда и приедет на тебя посмотреть.

– А когда он их починит? – не терпелось разузнать Элиану.

⁸ В конце девяностых годов звезда футбола Диего Армандо Марадона действительно прибыл на Кубу по приглашению Фиделя Кастро, чтобы пройти четырехгодичный курс реабилитации от наркотической зависимости

– Я думаю, не раньше, чем через два года, – со знанием дела ответил папа. – Когда ты превратишься в известного форварда.

– А! – воскликнул Элиан. – Значит, еще есть время! Я успею потренироваться!

Настроение мальчика явно улучшилось, и он снова побежал к кромке поля в надежде получить пас, пусть даже по ошибке и неважно, от кого.

Но паса он так и не дождался. Виной тому была не жадность ребяташек, а форс-мажор, прервавший футбольный поединок. Кто-то из ребят, спасая свои ворота, выбил мяч слишком далеко, прямо на проезжую часть. Он покатился вниз по брусчатке и угодил под колеса прокатной «Шкоды». Турист-испанец, управлявший чешским автомобилем, услышав хлопок, на мгновение насторожился. Малолитражка продолжала движение. А значит, для беспокойства не было причин.

Картина, представшая перед дворовыми мальчишками, была не из приятных... Сморщенный кожаный чехол с двумя зияющими дырами и непригодный более для игры. Мальчишка из команды Лоренсо поднял остатки мяча и, просунув ладонь в сквозное отверстие, смог утешить своего капитана словами:

– Если бы мяч был цел, мы б их порвали, как слепых котят!

– Точно! – согласились с этим заявлением остальные члены команды. – Как немых щенков!

Лоренсо, владелец роскошного мяча, а вернее, того, что от него осталось, до последнего момента пребывавший в полной прострации, вдруг сообразил, что поражение от команды ненавистного Энрике, задиры-одноклассника, можно оспорить до лучших времен. Ребята Энрике и впрямь играли сильнее, а тут пришло неожиданное спасение. Он, конечно, пострадал, но, как выражается его майамская бабушка, раз в год посещающая внука, «нет худа без добра». Именно она прислала из Штатов этот теперь уже футбольный экспонат.

– Ладно, плевать на мяч! – облегченно вздохнув, выпалил хвастунишка. – Моя ненаглядная бабуля Лусиа пришлет мне из Майами такой же и даже еще лучше. Тогда и сыграем! И вам не поздоровится! – угрожающе рявкнул он в адрес соперников, взял пробитый мяч и без сожаления швырнул его в мусорный бак.

С тем ребяташки и разбежались, позволив случайно подслушавшей их разговор пожилой паре, которая вот уже час прохлаждалась на балконе, вывести свое заключение случившемуся:

– Какой избалованный ребенок этот Лоренсито. Его бабка Лусиа, когда убегала с Кубы, оставила свою дочку с грудным ребенком на руках, а теперь замаливает свои грехи перед ней и внуком, задаривает и сюсюкается, змея, – не по-доброму отозвалась о бабушке Лоренсо седая сеньора.

– Все, что присылают янки на Кубу, надо давить и выбрасывать в мусорник, – с ненавистью крикнул дед, герой сражения у Плая-Хирон. – Туда и дорога этой американской подачке.

На этом история не закончилась. Чуть свет Хуан Мигель оставил спящего Элиансито и отправился на поиски злополучного футбольного атрибута. Он без труда нашел на тротуаре тот самый мусорный контейнер и извлек из него выброшенный подарок бабушки Лусии из Майами.

Утром он позвал еще сонного Элиана на футбольное поле. Взъерошенный мальчуган ахнул, когда папа, словно цирковой фокусник, достал из пакета футбольный мяч и несильно пнул его ногой, пасуя сыну. Элиансито сразу ожил, сонливость как рукой сняло. Он неугомонно гонялся за мячом, спотыкался, пару раз падал, но тут же вставал, подбадриваемый отцовскими словами:

– Марадона никогда не плакал при падении! А ему крепко доставалось. Настоящие мужчины не хнычут, как девочки. Они сразу поднимаются. Не встают с колен только лакеи...

Вспотевший Элиансито даже не заметил, как почти целый час играл с папой в футбол. Он выиграл – откуда ему было знать, что папа поддавался. Ведь Хуан Мигель искренне расстраивался и негодовал, когда пропускал голы в свои ворота.

Спустя час после начала игры Хуан Мигель устал. Немудрено – ночью он не сомкнул глаз, запихивая в чехол порванного мяча ветошь. Но первый этап кропотливой работы по реанимации собственности восьмилетнего Лоренсито был лишь половиной дела. Когда камера мяча была под завязку забита множеством слоев тряпья, предстояла основная операция, инструментами которой стали толстенная игла бабушки Ракель, нервующиеся капроновые нитки и оловянная насадка на палец.

Насадка не уберегла Хуана Мигеля от пары уколов, однако результат его самоотверженного труда к утру был налицо – восстановленный мяч выглядел как новенький, да и по весу не особо превосходил оригинал.

– Папа, отбивай! – крикнул Элиансито отцу и бабахнул по мячу пыром.

Мяч пролетел мимо створа ворот и прикатился прямо под ноги пышущего от злости Лоренсо. За спиной своего капитана стояла вся дворовая футбольная ватага.

– Вы украли мой мяч! – выдвинул Лоренсо свое обвинение Хуану Мигелю. – Это мой мяч! Он не ваш! Вы – вор!

Хуан Мигель взял за руку Элиансито и молча подошел к компании ребят.

Нога Лоренсито демонстративно стояла на его собственности. Он чувствовал негласную поддержку стоящих сзади ребят, восхищенных тем, что один из их лидеров не дрейфил. Неравное противостояние между их отважным капитаном и взрослым мускулистым дядей Хуаном, оказавшимся вором, могло закончиться чем угодно...

– Никогда не зарился на чужое добро. Мне хватает того, что я имею, – спокойно заговорил Хуан Мигель. – И Элиансито этому учу. Просто вчера кто-то выбросил пришедший в негодность предмет в мусорник. Пришлось сильно постараться, чтобы вернуть его к жизни. Сперва забить до отказа ветошью, а затем зашить толстенной иглой, при этом пару раз поранившись. По-другому исправить положение не получилось бы, ведь насоса для таких мячей нет во всей округе. В любом случае он действительно твой. Так что забирай. А то, что мыс моим сынишкой поиграли им, считай платой за починку...

Хуан Мигель и Элиан медленно пошли своей дорогой в сторону дома. Их провожало двенадцать пар детских глазенок.

– Элиансито, ты не хочешь поиграть с нами? – неожиданно донеслось запоздалое приглашение Лоренсо.

Элиан с испугом оглянулся, затем в надежде поднял глазки на отца. Хуан Мигель одобрительно кивнул, и его счастливый сын на всех парах помчался к старшим ребятам, которые тут же рассыпались по полю и деловито приступили к жеребьевке. На этот раз на команды ребят делил Лоренсито. Он больше не позволит задире Энрике здесь командовать. Но куда же девать малыша Элиана? Ну, конечно же, в свою команду, он лично будет защищать сына Хуана Мигеля, если парни Энрике посмеют его толкнуть...

Довольный результатом матча и вкусным ужином, что приготовил папа, Элиан зазевал под вечер. Хуан Мигель взял его на руки и перенес на кровать. Он бережно положил сына на бок и прилег рядом, любясь засыпающим малышом.

– Спи, мой любимый, я сказал ангелу, чтобы он поцеловал тебя вместо меня, но ангел вернулся и сказал: «Ангелы не целуют ангелов»... Поэтому поцеловать тебя придется мне самому.

Он чмокнул сына в щечку и, глядя на часы, сообщил:

– Два часа. Скоро приедет мама.

Но Элиан уже ничего не слышал. Он сладко спал, утопая в радужных картинках приятных сновидений.

* * *

Элисабет застала бывшего мужа и сына в обнимку спящими. Она приехала под утро – ненасытный Ласаро сделал внезапную рокировку, не считаясь с ее планами. Надо сказать, что Элис не очень-то сопротивлялась, когда любовник повез ее вместо Карденаса в модное злачное местечко ночного Варадеро – устроенную в реальной пещере дискотеку «Ла Куэва дель Пирата».

...Иностранцы и иностранки, снующие туда-сюда в жадных поисках легендарной кубинской любви, легко находили заинтересованных мучачас и мучачос, готовых окунуть приезжих в непривычный для западного обывателя мир искреннего и беззаботного радушия, одобренного непревзойденным и хорошо отрететированным сексом.

Потомки испанских конкистадоров и руандийских рабов выводили из душевного стопора обойденных мужской лаской нимфеток из Европы, а мулатки и метиски осыпали поцелуями поверженных эмансипацией канадских неудачников и убежавших от феминисток в кубинский заповедник немецких простопиль.

Все, кроме отдыхающих россиян, легко могли оценить кардинальность, разнящую цивилизации. Русским уловить разницу мешало неумное количество выпитого дайкири, мохито и «Куба либре». Пьяный угар, местами доводящий до невменяемости, не позволял полностью сконцентрироваться на происходящем на глазах чуде и насладиться свершившейся мечтой. Кубинки прыгали на российских парнях словно плескающиеся у берега в ожидании детских восторгов дельфины. Реакция россиян в лучшем случае напоминала поведение недоверчивых игуан, в худшем – крокодилью неподвижность.

Но самое необъяснимое – это плата за наслаждение. Она действительно казалась невероятно мизерной в сравнении с эквивалентом расходов на аналогичные услуги в любой из стран старушки Европы, не говоря уже о свихнувшейся от бесперебойного потока нефтедолларов Москве с ее закамуфлированными под стрип-клубы публичными домами. Самая главная странность кубинской проституции заключалась в необязательности этой платы, в том смысле, если по любви. Добровольцев, алчущих романтики, хватало как со стороны туристов, так и среди местных. Жажда общения доминировала здесь над постыдным чувством наживы. Причина проста. Кубинцы – это не только нация. Кубинец – это имя гордости и независимости.

Они смогли стать свободными от Империи не только де-факто и де-юре, многим удалось добиться независимости в собственных головах. Этой многочисленной когорте правители-аскеты за долгие годы государственного суверенитета привили пренебрежение к Его Величеству Доллару, что, впрочем, не отвращало людей от случайных заработков и помогало любое безденежье считать временным. Постоянными на Кубе могут быть только температура воды и воздуха – от 21 до 27 градусов по Цельсию круглый год. Алчность плавится именно при такой погоде.

И Фидель. Он тоже постоянный, интервал его изменений незначителен. Он не даст народу сгинуть от экономической блокады. Гениальный старожил Фидель выглядел в глазах масс таким корифеем. Он подобен знаменитым на весь мир кубинским медикам, разработавшим эффективное лекарство от СПИДа. Только кубинским эскулапам удалось сделать невозможное и изобрести препарат, поддерживающий иммунную систему вич-инфицированных. Только Фидель был способен на сотворение чуда – невиданного эликсира жизнестойкости окруженного врагами малочисленного народа. Формула эликсира держалась в строжайшей тайне. Но со временем тайное стало явным. Фидель ничего не придумывал, он, называя себя атеистом, воплотил в жизнь христианский постулат – не бойтесь размножаться, Господь не оставит без пропитания возлюбленных детей своих...

За сорок лет его правления население страны удвоилось, в то время как прирост населения западного мира исчислялся жалкими процентами. Санкции США действовали на кубинцев именно так. Ответом Кубы стало размножение. Этому поспособствовали все те же медики. Ну а квалифицированными их сделало кубинское образование, до которого не было никакого дело сутенерам и уголовникам, к которым вынуждает вернуться последовательность этого повествования.

Итак, вернемся к нашему герою-любовнику. Жан-Батист Мольер, автор бессмертного «Тартюфа», как-то провидчески заметил: «Завистники умрут, но зависть – никогда...» Ласаро изнывал от душевного дискомфорта, когда наблюдал за кубинкой, прогуливающейся по пляжной аллейке под ручку с каким-нибудь иностранцем. Он и она корчили из себя влюбленную парочку, воркуя, словно голубки.

Одно дело – безобидный секс, стопроцентная возможность добыть валюты. На это Ласаро смотрел легко, не видя ничего предосудительного в подобном предпринимательстве. Но совсем другое – вступать с этими холеными денди в длительные отношения. Вот где кроется настоящая измена! Так размышлял ловелас Ласаро, местный донжуан, в бытность своей барменской работы никогда не пренебрегавший отщипывать комиссионные у подложженных под европейцев подружек. Его не мучила совесть, когда он жил за счет девиц легкого поведения. Выводило из себя другое – когда мимолетные свидания кубинкок перерастали в нечто более серьезное. Тогда возмущение Ласаро преобразовывалось в гнев и выливалось для его подруг в побои.

Вот и сейчас, в «Ла Куэва дель Пирата», куда он привез Элисабет, беззаботность быстро сменилась раздраженностью. Нервы взбунтовались из-за того, что злачное местечко просто кишело воркующими парочками голубков, где в роли самцов выступали толстосумы-европейцы, а самками по определению и психологии были его соотечественницы. Дуры! Они готовы отдаться за ром с колой и шоколадные конфеты! Какие теряются барыши!

Сутенерская душонка рвалась на оперативный простор даже сегодня, но теперь, когда на горизонте так отчетливо маячила майамская перспектива, Ласаро не стал бы предлагать посредничество малознакомым девицам. У «легалых» он на особом счету, да и стоило ли рисковать по мелочи, ведь большой куш не за горами, а всего лишь за одним заливом. Он тормозил себя мыслью, что его инициативность и предприимчивость, до которых на Кубе никому нет дела, в полной мере пригодятся в действительно крупной операции. Для этого дельца понадобится не только крепкое суденышко, но и невероятная изворотливость, коей он безусловно обладает. Наградой будет реализовавшаяся американская мечта. Так что не стоит ловить сунсунито,⁹ когда у водопада кормится стая розовых фламинго...

Он возьмет то, чего заслуживает благодаря своему таланту. Жить, как все это было, не для него! Пусть в байки Кастро про скромную, но полную человеческого достоинства жизнь верят его фанаты. Мир у ног – вот к чему следует стремиться. Красавицы предпочитают состоятельных господ. Они будут гоняться за ним, как бегают дурнушка Элис – его проходной билет в рай. Придется в нагрузку прихватить в Майами и ее сопляка. Ох уж эти издержки материнской привязанности! Благо от болвана Хуана Мигеля он ее почти отвалил.

– Ты погляди, как этот толстяк отплясывает сальсу! Брюхо трясется, как грелка! – Ласаро кивнул в сторону неуклюже пританцовывающего в стиле «латино» английского моряка с колоритной бородой.

⁹ Сунсунито – самая маленькая в мире птица из вида колибри, обитающая в лесах Кубы и характерная только для этой страны. Размер этого пернатого существа немногим превышает параметры шмеля.

Элисабет насмешил вид танцующего моремана, особенно когда тот вставил в рот большую курительную трубку и задымил, как бронепоезд. Содержимое его живота переливалось слева вправо, словно молоко в вымени коровы.

– Забавный дядечка! – хохотала молодая женщина, никак не разбавив своим весельем такую же добрую реакцию на это зрелище со стороны окружающих.

«Она такая же, как все, – подумал Ласаро. – Быдло! Каких может веселить уродство этого самодовольного богача, притащившего свою тушу на Кубу, чтобы ее как следует отскоблили языками почти задаром наши глупые девчонки».

Вокруг бородача и впрямь крутилась пара мулаток. Однако Ласаро никто не сумел бы убедить, что девушки просто решили поддержать ставшего на мгновение центром внимания никудышного танцора поистине профессиональными «па» с использованием дрожащих, как пионерские барабаны, задниц.

Танцовщицы не собирались увиваться за толстяком с одутловатым лицом, к тому же косоглазым и кривоногим. По окончании трека всем участникам импровизированного шоу было чем заняться. Англичанин не остался бы в одиночестве, но не эти две партнерши по танцу составили бы ему компанию. А вот Ласаро возненавидел именно их, чем и поделился с Элисабет:

– Как думаешь, жир не помешает ему одолеть их обеих?

– А я рассчитывала, что ты ревнуешь только меня, – сыграла Элис.

– А что, есть повод?

– Покажите мачо, а повод всегда найдется, – пошутила она.

– Я уверен, что этим толстяком воспользуются не как мачо, а как средством передвижения в Европе.

– Ты можешь хоть на миг расслабиться? Здесь же весело! К чему все усложнять? – расстроилась девушка. – Ты сам притащил меня сюда, хоть я и говорила, что не могу. А теперь ты выплескиваешь злость на тех, кого мы видим в первый и в последний раз.

– Я злюсь не на них, а на себя. – Он неожиданно поцеловал ее и продолжил: – Зато, что не могу купить тебе столько же всякой всячины, сколько может подарить этим двум девчонкам толстяк с козлиной бородой.

– Мне ничего не надо, – уверила Элисабет.

– А мне надо, – угрюмо буркнул Ласаро.

– Избавься от ненужных комплексов, – посоветовала Элис. – В любви они ни к чему. Все самое прекрасное и так у твоих ног. Я твоя раба. Чего же тебе еще надо?

– Я хочу увидеть весь мир и сорить деньгами в других странах, как это делали янки на Кубе до революции.

– Не обязательно увидеть весь мир, чтобы понять, что нет страны прекраснее нашей, – убежденно выдала Элис.

– Ты в этом уверена? – усмехнулся уголком рта Ласаро. – Ведь мы не имеем возможности сравнить.

Элисабет выдержала паузу, прежде чем ответить на столь весомый аргумент. Затем произнесла:

– Зачем сравнивать свое и чужое. Чужое может быть больше и лучше, но свое всегда дороже... К тому же далеко не все янки имеют возможность сорить деньгами. И еще... Они платят за то, что нам дано бесплатно и навсегда. Отвези меня домой, уже солнце встает...

Ласаро пришлось подчиниться неисправимой патриотке. Ничего, ее строптивость стоило потерпеть. И все-таки откуда в ней эта безграничная любовь к социалистическому псевдо-раю с его карточной системой и разными песо – для туристов и местных жителей. Видно, лопух Хуан Мигель смог вдолбить ей свои прокастровские убеждения. Наверное, он только и умеет что разглагольствовать перед стервами. Все остальное за него делают другие.

В этот день Ласаро умудрился овладеть бывшей женой Хуана Мигеля в салоне своей развалюхи прямо перед крыльцом его дома. Ласаро заводила непосредственная близость хоть и бывшего, но все же мужа своей пассии. Это подстегивало его самолюбие, давало повод почувствовать свое мужское превосходство.

Невольной свидетельницей «безобразного поведения» Элисабет стала ее соседка, пожилая донья Марта, твердо решившая после увиденного не здороваться с неблагодарной Элисабет и в то же время ничего не рассказывать бедному Хуану Мигелю. Донья Марта не хотела расстраивать этого доброго малого, что носился с маленьким Элиансито, не считаясь со своим свободным временем. Конечно, Хуан Мигель и сам не без греха, как всякий мужчина, но, видимо, он до сих пор ослеплен любовью к недостойной развратнице, раз продолжает после развода жить с ней под одной крышей.

Люди думали, что Хуан Мигель и Элис когда-нибудь обязательно сойдутся вновь. Ведь они одинаково горячо любили своего сынишку. Люди всегда охотнее поверят в сказку, чем в репортаж очевидца с места событий. Донья Марта пожалела о своей прогрессирующей в последние годы бессоннице, о том, что решила устроить стирку на рассвете и вывесить белье на сушку, и о том, что теперь знает больше, чем нужно, и это еще более усугубит процесс ее засыпания. Плохо, когда ты лишний раз убеждаешься в несправедливости мира. Хорошо, что несправедливость исходит лишь от несовершенных людей.

Усталая Элис плюхнулась на диван и тут же уснула, прозевав невероятный по зрелищности рассвет. Океанский ветерок неспешно отгонял стаи перистых облаков, расчищая путь просыпающемуся солнцу. В то сиреневом, то розовом, то голубом зареве рисовалась нерукотворная мерцающая мозаика истинного шедевра – того обыденного чуда, которое не дано заметить надменным и которое так легко открывается умеющим чувствовать чужую боль, как свою, и радоваться успехам других, как собственным...

* * *

Хуан Мигель проснулся первым. Сегодня у него был выходной, а это означало, что придется выполнить обещание, данное малышу Элиансито, и отправиться в Камагуэй, чтобы показать ему голубого марлина¹⁰ и дрессированных акул.

Друзья-дайверы всегда принимали его по первому разряду. Восхищаться причудливыми подводными дворцами из коралловых рифов с их эпатажными в раскрасе и движениях обитателями в одиночку уже давно не хотелось. Элис все время работала. Другое дело – Элиан, он запомнит свою первую подводную одиссею на всю жизнь. Коралловые образования и тропических рыб на Плайя-Санта-Лусия можно увидеть прямо с берега. Там он покажет Элиану, как плавать брассом, а то сын освоил пока лишь свой собственный вид плавания, не утвержденный Международным олимпийским комитетом. Он разрешит померить мальчику гидрокостюм для погружения, научит подгонять маску и пользоваться кислородным баллоном, позволит нырнуть пару раз под присмотром инструктора, который расскажет про будни аквалангистов.

Ребята-ныряльщики убеждали, что малыши – их профиль, говорили, что у них имеется в наличии дайверское снаряжение маленьких размеров и что Элиана можно погрузить с тро-сом метров на пять без всякого риска. Хуан Мигель высказал категорическое возражение. К чему торопить события. Для второго раза задуманной программы было вполне достаточно.

– Папа, а мы увидим затонувшие суда? – вопрошал перед дальним морским путешествием разгоряченный мальчишка в предвкушении чуда.

¹⁰ Голубой марлин – экзотический вид рыбы.

– Это будет тренировочный день. Пиратские и испанские галеоны никуда не исчезнут до твоего следующего, более профессионального визита. К тому моменту ты научишься плавать брассом. Я тебе обещаю.

– Понятно, – согласился Элиан.

Плавал Элиансито уже довольно сносно, а для шестилетнего ребенка и вовсе превосходно. Только немного частил с движениями, отсюда быстро уставал, а так как держался на воде неуклюже, барахтаясь и чертыхаясь словно плененная рыбешка, то вскоре, наглотававшись изрядной порции соленой воды, начинал паниковать. Но это был какой-то особый вид паники – молчаливый, упрямый, парадоксально, но осознанный.

Элиан боялся, нет, не утонуть. Он боялся признаться папе в своей несостоятельности. Ведь он уже взрослый, он умеет плавать. А еще он знал, что папа рядом, ярдах в десяти. Папа наблюдает за ним и в случае, если он и взаправду начнет тонуть, всегда вытащит из воды или бросит спасательный круг. Так уже было прошлой осенью, во время солнечной передышки сезона дождей на пляже Кайо-Сабиналь...

В тот день друзья-дайверы доставили их на небольшом катере от причала на Плайя-Санта-Лусия до сказочного местечка, объявленного национальным заповедником. Здесь многочисленные стаи фламинго соперничали изящностью с белыми ибисами и соседствовали с греющимися на солнце легионами неповоротливых морских черепах вида *Chaelonidae* с пятнистыми лапами и хрустальными глазами. Одну из них мальчишке удалось даже погладить по панцирю.

Когда друг папы, инструктор-аквалангист Педро, показал мальчугану только что пойманную тяжеленную барракуду, Элиан был вне себя от восторга и захотел ее потрогать. Едва он дотронулся до плавника крупной рыбы, как она резко шевельнула хвостом и дернулась, чуть не выскользнув из крепких рук дяди Педро.

Решено было пожарить несговорчивую обитательницу океана на костре и съесть ее в угоду разыгравшемуся аппетиту. Изысканное блюдо приготовили на берегу, после чего папа попросил Элиансито помочь собрать мусор – нельзя оставлять грязь на белом кубинском песке.

Пир устроили прямо на катере. Подкрепившись, путешественники отправились к бухте Нуэвитас в известную только знатокам этих дивных прибрежных мест небольшую скалистую пещеру, где наверняка прятали свою добычу корсары Генри Моргана – наводившего ужас на Испанскую корону английского флибустьера.

– Вот тебе двадцать пять сентаво. – Вручая сынишке монету, Хуан Мигель тихо предупредил, что в пещеру Элиан должен войти один. – Таковы правила. Иначе святой Кристоаль не исполнит твое желание. Его нужно произнести шепотом и только один раз, прикрыв уста ладонью. Вот так... Только стенам позволительно слышать сокровенные мечты маленьких мальчиков и передавать их на рассмотрение святому Кристоалю. Стенам можно довериться, они умеют хранить секреты.

– Можно заказать только одно желание? – вытаращив глаза, испуганно произнес Элиан.

– Только одно, самое важное, – подтвердил отец. – Поэтому хорошенько подумай, прежде чем что-то просить.

– А можно попросить настоящий самокат, а то мой, из доски и подшипников, тебе все время приходится чинить?

– Теперь уже нельзя, ведь ты рассказал о своем сокровенном желании мне, а я предупредил, чтобы ты соблюдал строжайшую секретность.

– Но ты же мой папа! – обиделся раздосадованный мальчик, пытаясь отсортировать и отранжировать в уме свои бесчисленные желания по степени их важности.

– Таковы правила. Не я их придумал. Это как правила дорожного движения. Если ты их не соблюдаешь, то обязательно попадешь когда-нибудь в аварию. Человек должен подчиняться определенным нормам. По-другому он просто не выживет. Понял? Так что давай, думай побыстрее и не забудь бросить монетку в ложбину посреди пещеры. Увидишь куда – там на дне много монеток.

– Получается, святому Кристобалью нужны деньги? – недоверчиво спросил Элиан.

– Деньги всем нужны. Но он не у каждого возьмет. А только у того, кто этого заслуживает, кто не заносчив и добр к себе подобным. И ему неважно, сколько денег ты положил – ведь один может дать сто песо, а другой не наскребет и сентаво. Он возьмет у того, кто по-настоящему любит свою страну и слушается родителей.

– А если я очень сильно люблю свою страну, я могу загадать не одно, а несколько желаний? Ну, хотя бы три? – выторговывал Элиан право заказать себе новый китайский велосипед взамен самоката, светящийся в темноте игрушечный мачете в кожаном чехле и огромного плюшевого Микки-Мауса, или, на худой конец, механического Бэтмэна, но только в том случае, если всех Микки-Маусов уже разобрали. Если нет, то сгодится даже небольшой пластмассовый Микки на пружинке, такого он видел у Лоренсито.

– Нет, только одно желание, – был суровый ответ.

– А может, где-нибудь поблизости есть еще одна пещера? – выискивал лазейки хитрец Элиан.

– Поблизости лишь непроходимые мангровые заросли, – неумолимо сообщил Хуан Мигель.

Поникший Элиансито, переступая с камня на камень, побрел в пещеру. Нахмуривший брови папа и улыбающийся дядя Педро остались у катера.

Оказавшись внутри, Элиан обомлел, глядя на рифленые, свисающие каменными глыбами пористые стены. На дне крошечной ложбинки посреди пещеры, в прозрачной воде, освещенной пробившимся со щелок преломленным розовым светом, отражаясь и рикошета, сияли разноцветные монеты разных стран.

Элиан грустно присел на покрытый водорослями и мхом, обточенный водой единственный здесь плоский камень. Он крепко задумался.

Что же попросить у святого Кристобалья? И почему он установил такие жестокие правила, разрешив загадывать лишь одно, самое сокровенное желание? Элиансито размышлял молча, пока не почувствовал, что от здешней сырости его начинает знобить.

И тогда мальчуган решительно встал с плоского камня, прислонился к стене и, прикрыв уста ладонью, прошептал:

– Святой Кристобаль, я пока не могу выбрать из всех своих желаний самое важное, и поэтому я хочу попросить тебя сделать вот что... Сделай так, чтобы я обязательно сюда вернулся. К тому времени я хорошенько обмозгую, чего хочу больше всего на свете. Когда я приду сюда снова, то загадаю только одно желание...

Мальчик вышел из пещеры весь в слезах.

– Что случилось? – недоумевая, спросил отец.

– Я проморгал свое желание, – горько рыдал Элиан. – Я попросил святого Кристобалья только о том, чтобы вернуться.

– Вернуться? – повторил за сыном отец. – Отличное желание – вернуться. И что же тебя так расстроило?

– Как же ты не понимаешь?! Значит, я ничего не получу. Просто вернусь, и все. И у меня не будет ни велосипеда, ни Микки-Мауса, ни мачете в кожаном чехле... – Струйки слез, имитируя маленькие фонтанчики, выпрыскивались из глаз.

Папа развел руками, не ведая, что предпринять, чтобы успокоить сынишку.

– Постой, постой, – вклинился в разговор находчивый дядя Педро, – а что у тебя в руке?

Элиансито разжал кулак. На детской ладони блеснула монета в двадцать пять сентаво, выданная отцом перед визитом в тайное убежище корсаров.

– По правилам просьба вступает в законную силу лишь после уплаты налога святому Кристобалью. Раз деньги на месте, значит, и желание ты не загадывал, – обстоятельно, поглаживая ус, молвил друг отца. – А то, что ты попросил о возвращении сюда, так это святой Кристобаль считает обязательным для каждого, кто к нему приходит.

– Как это? – все еще не веря своему счастью, но уже не плача, крикнул Элиан.

– Атак, – продолжал дон Педро, находя все новые аргументы, – вот если бы ты не вернулся, чтобы поблагодарить его за исполнение твоего желания – вот это было бы плохо. А если человек очень благодарен, так он может хоть сто раз возвращаться сюда. И уж тем более, если он еще не определился с тем, чего хочет больше всего.

– Ура! – закричал Элиан, на радость Хуану Мигелю. – Так, значит, возвратиться – это нежелание!

– Это твое законное право, – подтвердил Педро.

...Перед тем как взять курс на запад, дон Педро бросил якорь неподалеку от маяка. Солнце садилось, был полный штиль, и друзья решили искупаться. Дядя Педро снял спасательный круг с рубки и швырнул его вдале.

– Я тоже хочу, – жалобно пробормотал Элиансито.

– Уже стемнело, и в открытом океане детям купаться не безопасно, – запретил отец, а сам нырнул в воду. Следом плюхнулся за борт дядя Педро.

Педро долго греб под водой, приближаясь к спасательному кругу, и его лысая голова показалась над поверхностью лишь спустя пару минут. Хуан Мигель проплыл ярдов пятьдесят кролем, затем развернулся и поплыл обратно брассом. Опершись на борт ладонью, он хотел было оттолкнуться, чтобы проверить себя в баттерфляе, но ростки тревоги мгновенно проросли в его подсознании. На катере было подозрительно тихо. Обычно комментирующий все и вся Элиансито не издавал ни звука. Не мог же он так обидеться...

– Элиан! – позвал отец. Тишина в ответ.

– Элиансито! – громко прокричал Хуан Мигель. – Не шути так!

И снова ничего. Ни слова.

– Хуан Мигель! Он в двадцати ярдах от кормы! Быстрее! – донеслось сзади. Это что есть мочи орал Педро, заметивший бултыхающегося в воде мальчугана. Круг уже летел в ту сторону, однако приводнился футах в десяти от мальчишки. Элиансито увидел его, но был уже не в состоянии до него доплыть. Он захлебывался водой и при этом не издавал ни звука.

Отец спешил на подмогу. Между ним и мальчиком было ярдов тридцать и... спасательный круг. Интервал сокращался. Но силы Элиана окончательно иссякли... Сердечко тарабанило, как рокошущий пулемет. Правую ножку свела судорога. А папы все не было...

И тут вдруг откуда-то вынырнул спасательный круг. Он приплыл сам. Оставалось только схватиться за него. Что Элиан и сделал. Все... Он в безопасности. Это папа из всех сил толкнул к нему круг, так сильно, что спустя мгновение он был рядом. Потом приплыл и сам папа и потащил его вместе с кругом к катеру. Уже на борту папа обнимал его, целовал, вытирал полотенцем и приговаривал:

– Любимый мой, сыночек мой...

Дядя Педро деловито заводил мотор, ругаясь и кряхтя в такт рыкающим поршням в машинном отделении.

– Прости меня, пожалуйста, папочка, – засопел очухавшийся от шока мальчуган.

Но отец, похоже, не держал на него зла. Совсем наоборот, папа гладил его по голове и винил себя в случившемся:

– Куда меня понесло, я бы себе не простил... если бы...

«Странно, – подумал тогда сорванец, – папа, наверное, накажет меня потом за непослушание».

– Озорник! – ворчливо буркнул сквозь усы дядя Педро, взяв пеленг на запад. Элиан уже соскучился по маме, по бабушкам Ракель и Мариэле, по Карденасу с его разноцветными домами и асфальтированными калле, полными конных экипажей, беспечно озирающихся велосипедистов и беспокойных ватаг детворы.

К ночи волны усилились, и, глядя на надвигающуюся тучу, папа принял решение заночевать у друга Педро:

– С океаном шутить нельзя, особенно когда он предупреждает непогодой о серьезности своих намерений в отношении шторма. В Карденасе будем завтра.

«Какой замечательный выдался денек! Надеюсь, папа не обиделся и мы обязательно вернемся вместе...»

...Выйдя на крыльцо своего скромного жилища, Хуан Мигель вдохнул полной грудью свежего воздуха и, бросив взгляд на небесное буйство красок, остался в восторге от увиденного. Сегодня прекрасный день. Как раз для того, чтобы нагряться в гости к ныряльщику Педро снова.

Через улицу он заметил дородную фигуру доньи Марты. Хуан Мигель крикнул ей: «Буэнос диас!» Она скупно отреагировала на приветствие соседа подобием кивка и спешно шмыгнула в дверь своей хибары. Донья Марта и раньше не отличалась особой разговорчивостью, поэтому Хуана Мигеля ничуть не удивила странность в ее поведении.

Он тоже вернулся в дом, чтобы принести кофе с сэндвичами в постель своей Элисабет. Опять забылся – они в официальном разводе. У него ведь есть Нерси, и у Элис наверняка кто-то появился. Пусть она будет счастлива с другим, раз у них ничего не вышло...

Они спали, два дорогих для него человека. Может ли что-нибудь на белом свете быть ценнее? Вот его сын – жизнь и счастье его. Вот Элис – самая лучшая женщина Карденаса. Да что там – всей муниципии Варадеро, а может быть, всей провинции Матансас. У него есть она – женщина, с которой он в разводе. И ничего не вернешь. Как прежде не будет никогда. Из их жизни исчез секс, но осталась любовь. Так бывает у людей...

Он уважает ее взгляды. Он верит ей. И потому он всегда был честен с Элис. Однажды он признался ей в измене. Возможно, это было глупо и несправедливо по отношению к ней. Так в один голос сказали друзья. Он сделал ей больно своими откровениями. И в итоге они развелись... Развелись, но не расстались. Быть может, в скором времени они заживут отдельно, но разве смогут они подолгу не видеть друг друга? Да, надо свыкнуться с этой мыслью. Принять неизбежное – нет больше полноценной семьи. Есть одни хорошие воспоминания и пустота. Вакуум, который должна заполнить будущая жизнь. Только бы эту нишу не заняла суета, всегда норовящая вытеснить самое ценное, что есть в жизни, – настоящую любовь.

Не хотелось думать о грустном. Хуан Мигель не находил решения, надеясь, что время подскажет, как быть. Все образуется. Само собой. Он не смог сделать ее счастливой. Но он продолжает любить ее, несмотря на то что встречается с другой. Это его противоречие. Его крест. Он любит одну, но страстно желает другую. Любит, потому что они родственные души, они делили свои мечты на одной кровати. За то, что она родила ему Элиана...

– А ну-ка вставай, соня! Сам же просил разбудить пораньше. Или забыл, что мы собрались в Камагуэй?

* * *

В начале девяностых, после крушения соцлагеря, Фидель Кастро приказал себе выжить.

Резкое сокращение товарооборота с бывшими союзниками ударило по Кубе посильнее, чем эмбарго янки. Монокультурная страна, где не произрастает ничего, кроме сахарного тростника, кофе и табака, утратила рынки сбыта.

Фидель, друг парадоксов, нашел несколько капиталистических способов помощи социализму, благодаря которым Куба выстояла. Он ввел свободное хождение валюты, разрешил мелкое предпринимательство и начал привлекать иностранных инвесторов в туризм, при этом сохраняя контрольные пакеты акций всех отелей за государством. Он даже позволил своим непримиримым идеологическим врагам – майамской диаспоре – отсылать деньги своим родственникам на Кубу.

Вскоре Кастро создал политический альянс с Уго Чавесом, вырвавшимся из-под опеки США венесуэльским лидером, а после того, как почувствовал возрождающиеся имперские амбиции России, снятые под копирку с международной политики Советского Союза, он понял – старые добрые времена возвращаются. Разглядеть это было не так просто, но хорошие шахматисты видят на много ходов вперед. Янки поспешили пустить «Барбудо» в тираж. Не дождутся!

Первым делом Фидель помог другу Чавесу закупить у русских стотысячную партию автоматов Калашникова. Ни у кого в мире не возникло сомнения в том, на кого будут нацелены эти стволы – половина территории Колумбии находилась под контролем партизан. И хотя многие полевые командиры повстанцев уже давно запятнали себя связями с наркобаронами Кали и Медельина, политический вес и влияние Кастро в регионе, утраченные на время в начале девяностых, сперва возродились, а с каждым годом разрастались, как на дрожжах. Фидель в этом смысле напоминал сказочную птицу Феникс, вечно бодрствующую и рассудительную. Даже когда вокруг все спят и безумствуют, а может быть, особенно в эти моменты...

Конечно, автолюбители на Кубе все еще колесили на развалюхах, а домохозяйки смотрели допотопные телевизоры. И все-таки основная масса людей готова была терпеть бытовую необустроенность и долгую остановку в пятидесятых, ведь непреклонность Фиделя олицетворяла их собственную ментальность. Они были бедным, но гордым народом. Вождь слился с нацией и вооружился ее главным достоинством – свободолюбием. Высокие слова? Возможно. Особенно если учесть тот факт, что достоинство граждан великой и могучей Страны Советов, ронявших слезу при исполнении государственного гимна и подъема серпасто-молоткастого красного стяга, не смогло устоять перед парой джинсов «Rifle» и глотком из рельефной стеклянной бутылочки «Coca-Cola».

Не исключено, что кубинцы сделаны из другого теста, слепленного в условиях вечного лета и еще свежего в памяти рабства. Хотя, скорее всего, это такие же обычные люди, как все населяющие планету народы. Просто они уважали своего Фиделя, ведь перед ним склонялись все враги. Не отступала от него только старость – предвестница смерти.

Все только и говорили о реванше, планы которого вынашивают янки – бывшие хозяева Кубы. Но хотели ли кубинцы возвращения марионеточной диктатуры, латифундистов, олигархов, мафиози и разжиревших на американских харчах иммигрантов? Наверняка нет. Ослабления гнета, снятия блокады и экономических санкций – да. Но только не реставрации старых порядков.

Смерть Фиделя, безусловно, могла послужить толчком к изменению жесткой политики США в отношении Кубы в пользу ее смягчения. Однако обманываться на сей счет и закапы-

вать себя в иллюзиях на предмет того, что большинство кубинцев желает смерти человеку, которого искренне уважает, было бы верхом цинизма.

Такие иллюзии могли родиться только на берегах Флориды, в курортном Майами...

Казалось, все напряглось здесь в ожидании развязки затянувшегося спектакля, конец которого неминуемо наступит с утратой Фиделем дееспособности или, что с особым смакованием муссировалось майамской политиммиграцией, в связи со скорой кончиной вождя коммунистов.

В противовес этому личный врач Кастро торжественно огласил свой авторитетный вердикт в отношении высокопоставленного пациента. Смахивая пот со лба, мэтр заверил мир заключением: «Фидель доживет до ста двадцати лет!» Эскулап, возможно, и сам оторопел от столь смелого заявления, но текст ему подsunул и вежливо попросил зачитать руководителем самой влиятельной кубинской спецслужбы – ГУРа¹¹ – Хосе Мендеса Коминчес.

Что до медицины, то на Кубе ей доверяли. Не только потому, что она бесплатна и доступна для всех. Просто она действительно лучшая во всей Латинской Америке и способна конкурировать с баснословно дорогим лечением на Западе.

Все плюсы кубинского здравоохранения Хуан Мигель и Элисабет смогли оценить в полной мере, когда после многолетних безуспешных попыток завести ребенка все же добились результата и с помощью гаванских докторов на свет появился плод их любви и продолжатель их рода – маленький Элиан.

Это произошло после семи выкидышей, нескольких десятков консультаций и обследований в генетической службе больницы «Рамон Гонсалес Корро», одной из лучших акушерско-гинекологических клиник в Гаване, и неимоверных усилий по сохранению плода. Восьмая беременность привела к достижению желанной цели – 6 декабря 1993 года у находящихся в официальном разводе, но живущих под одной крышей Хуана Мигеля и Элисабет родился здоровый мальчик!

Отец и мать... Наконец-то они стали таковыми. Они не могли оторвать глаз от укутанного в пеленки карапуза с прилипшими веками, напоминающего кумира хунвейбинов, великого кормчего Мао. Трудно было поверить, что этот крохотный человечек совсем недавно ерзал в животе Элис, иногда сигнализируя о себе очень даже ощутимыми толчками и ударами.

Они были безумно счастливы. Малыш – воплощение мечты – принадлежал одинаково им обоим, и они оба без раздумий пожертвовали бы собой, если б потребовалось, ради этого беззащитного существа.

– Ты настоящая героиня, – подбадривал Хуан Мигель еще слабую Элис. Ее лицо после родов было испещрено мелкими крапинками – от потуг полопалось множество кровяных капилляров. Она стеснялась своего непрезентабельного вида и того, что так располнела. Какие мелочи! Никогда еще Элис не была так красива. Так искренне считал ее бывший муж.

Когда они познакомились, Элис только исполнилось четырнадцать. Кто кого соблазнил – вопрос спорный, бойкая девчушка Элисабет всегда добивалась того, чего хочет. Хуан Мигель стал первым и единственным мужчиной в ее жизни. Для Кубы, где возрастные критерии имеют свои рамки, столь ранняя половая связь считалась если не нормой, то, при взаимном согласии и непротivлении родственников, обыденностью.

¹¹ ГУР – Главное управление разведки отвечает за внешнюю разведдеятельность, координирует действия повстанцев и партизан в различных странах Латинской Америки, ведет активную агентурную работу среди кубинских эмигрантов и использует поток беженцев для засылки своих агентов.

Поначалу их отношения наполнились непреодолимой страстью, выливающейся в забываемое плотское удовольствие. Со временем сексуальный пыл остыл и чувства трансформировались в нечто более близкое, серьезное и зрелое.

Элис хотела полноценной семьи, хотела сделаться по-настоящему взрослой женщиной, стать мамой. Хуана Мигеля на сей счет не надо было уговаривать, ибо он мечтал о том же.

Отгуляв скромную свадьбу, они без промедления приступили к исполнению поставленной друг перед другом задачи – родить ребенка. Время шло, а младенец все не рождался. Секс как-то незаметно приобрел характер кропотливой работы, цель которой настолько благородна, что о похоти не может быть и речи.

Серьезность намерений усугубляло чувство разочарования постоянными неудачами. Страх перед очередным самопроизвольным абортom доводил до отчаяния обоих. Каждая попытка начать все сначала заканчивалась новым фиаско.

Неусыпный контроль врачей, полная концентрация партнеров на процедуре зачатия ребенка развили в них комплекс неполноценности. Несмотря на заверения специалистов о соответствии набора хромосом норме, отсутствии генетических нарушений и врожденных мальформаций у обоих супругов, Хуану Мигелю и Элисабет спустя восемь напряженных и оттого не особо радостных лет уже не надо было объяснять, что означает ущербность и обреченность.

Многие семьи во всех уголках планеты испытывают похожее томление при повторяющихся из года в год неудачных попытках завести малыша. Кто-то находит повод для ссоры и доводит дело до развода, пряча истинные мотивы разрыва за дежурными фразами типа: «Не сошлись характерами». Кто-то впадает в жуткую депрессию и ищет расслабления в романтических интрижках на стороне. А кое-кто, подобно Хуану Мигелю и Элисабет, быть может, окончательно утратив остроту чисто животной страсти, продолжают идти к цели во что бы то ни стало, уверенные в том, что ее достижение осчастливит на порядок сильнее любого известного в мире удовольствия.

Они сосредоточились на главном вместе. И достигли цели вдвоем. Их малыш Элиансито – живое существо, их любимый сыночек, стал новым гражданином страны, в которую они были одинаково сильно влюблены.

В них было столько общего. Пойми они это пораньше, не случилось бы того, что произошло спустя шесть лет после рождения их мальчика...

* * *

Полиция быстро нашла Ласаро. Его решили арестовать прямо на выходе из дискотеки «Ла Румба» – мекке туристической резервации Варадеро.

Вход сюда кубинкам, промышляющим проституцией, был строго-настрого заказан. Если только они не умудрялись обойти кордоны секьюрити под ручку с кубинским бойфрендом...

Ласаро искусно справлялся с ролью ухажера роскошной мулатки Иослайне с золотыми клыками. Гаванские модницы не преминули перенять этот атрибут стиля из пуэрто-риканских и майамских видеоклипов и распространить моду на золотые коронки на все крупные города от табачной столицы Пинар-дель-Рио до карнавального Сантьяго и колониального Тринидада.

Задача у парочки была простой. Сперва они проходят на дискотеку, изображая из себя влюбленных. Затем Иослайне находит иностранца и договаривается встретиться с клиентом на улице. Ласаро выводит ее из клуба и сажает в машину туриста. Она вручает ему за услугу

десять песо «конвертибле», из которых пару песо придется вложить в «клюв» охраннику. В итоге все довольны.

Эту нехитрую процедуру Ласаро Мунеро Гарсиа проворачивал неоднократно. Охранники «Ла Румбы» его узнали и были ему сдержанно рады в предвкушении положенных чаевых.

Основная часть маршрута путаны, что простиралась вокруг забитого разномастной публикой танцпола, была преодолена. Ласаро успел даже осушить три бокала «Куба Либре». Благо за вход заплатила спутница.

Нельзя сказать, что Ласаро наладился до невменяемости, но его задиристая натура начала проявлять активность в поисках применения разученных еще в школе приемов дзюдо. Однако жажда легких денег и страх перед дюжиной секьюрити притушили поползновения к дебошу. Зато выплеснулась наружу страсть вечного спорщика к дискуссиям. Говорят, в споре рождается истина. А что, если оба спорщика уверены в своей правоте и глухи к аргументам оппонента? Знатоки утверждают, что в таких спорах истина умирает...

– Ты так долго будешь клиента искать! – раздраженно гаркнул Ласаро на Иослайне, прилипшую к барной стойке в ожидании симпатичного туриста. Ей не хотелось продаваться какому-нибудь толстяку, пьянице или уроду.

– Так дела не делаются, – побуждаемый к разглагольствованиям очередным коктейлем из светлого рома и колы, продолжил Ласаро. – Надо смотреть не на молодых повес, которым охота потанцевать. Он может еще пару часов отплясывать, не помышляя о чике! Вон те двое. Они сидят с конкретной целью – кого-нибудь подцепить. Хочешь, я сам им все объясню? Только цена за мои услуги удвоится. Договорились? Двадцатка. О'к?

– Договаривайся лучше со своей Элисабет. Как она тебя терпит?! – процедила сквозь зубы Иослайне. – Она знает, что ты – обыкновенное животное?

– Ты такая смелая, потому что тут полно охранников, – злобно рявкнул Ласаро, съязвив при этом. – А то я вернул бы твой острый язычок на то единственное место, для которого он предназначен.

– Да, обыкновенное животное, – повторила Иослайне, одновременно улыбаясь итальянцу. Тот как-то странно отреагировал на улыбку и призывные жесты мулатки, из чего стало понятно, что он – гей.

– Во-первых, не она меня терпит, а я ее. Я на шесть лет моложе, и я – красавчик, как видишь, – самоуверенно рекламировал себя Ласаро. – Во-вторых, она от меня без ума и уверена, что я ее люблю.

– Ты ее уже бил? – вставила путана естественный в отношении Ласаро вопрос.

– Нет, – ответил он.

– Значит, у нее есть деньги или что-то, что тебе очень нужно, – сделала свой вывод проститутка. – Ну, конечно, она же официантка в Варадеро. Ты кормишься за ее счет!

– Я в состоянии сам себя прокормить, – не согласился Ласаро.

– Да, но только за счет женщин или грязных делишек.

– И это говорит обычная пута!

– Она говорит это обычному хинетеро.

– Скоро я утру нос вам всем, продажные сучки!

– Снова отчалишь в Майами и снова отправишься в тюрьму? Она знает, что ты нелегально побывал в Штатах, что тебя сцапали и что сейчас ты под надзором полиции?

– Знает.

– Очень сомневаюсь... Хотя шила в мешке не утаишь, а ты – настоящее шило, так и норовишь вляпаться в неприятности и потянуть за собой окружающих.

– Дура! Я самый перспективный мучачо во всей округе! Я четыре месяца грелся на пляжах Майами-Бич. И знаешь, что я понял? Здесь мне нечего терять! Я здесь антиобщественный элемент, вот кто. Отброс. Уголовник. Тунеядец. Как я их всех ненавижу!

– Зачем тогда вернулся? Чтобы пограничники приняли и упрятали за решетку? Чтобы потом откупаться за деньги сердобольных девок?

– Вернулся, потому что в той системе трудно подняться без стартового капитала. Начинать с посудомоя не для меня. Там посудомоем можно остаться навсегда. Первые деньги можно заработать и здесь. Вернее, с помощью тех, кто живет здесь, но имеет богатых родственников там. Ты помогаешь им – они помогают тебе.

– Проще и безопаснее красть, – как в воду глядела Иослайне, сама подворывающая у клиентов.

– Это мелочь, – разоткровенничался уже изрядно выпивший горе-бизнесмен. – У меня будет целая флотилия, занимающаяся нелегальной доставкой кубинцев в Майами. Я даже сам не буду бороздить воды Флоридского залива. Только снаряжать суда, набирать команды и собирать деньги с американских богатеев за переправку их несчастных родственников с Кубы.

– А ты не боишься? Ведь я являюсь членом Комитета защитников революции. – Девушка нисколько не удивилась грандиозным планам Ласаро, но, как обычно, не приняла их всерьез...

...А удивляться подобным прожектам действительно было нечего. Эмбарго и визовые ограничения США для кубинцев делали невозможным легальное перемещение в «рай» таких, как Ласаро Мунеро.

Во-первых, таких никогда не выпустили бы «свои» – у Фиделя собственная очередь. Во-вторых, подобных беженцев не хотели принимать там – кому нужен тип с репутацией уголовного.

Однако в Штатах кое-что не просчитали. Скорее даже не посчитали то количество желающих, которое хлынет к «молочным рекам с кисельными берегами», если Дядя Сэм откроет шлюзы. Пусть даже неофициальные. Ну и, конечно, никто в сытой Америке не смог предугадать реакцию команданте на радушный прием Соединенными Штатами незаконных мигрантов с его Острова. В 80-м году грянул «гром среди ясного неба», имя которому «Мариэль»...

Действуя в русле своей политики по дискредитации диктаторского режима Кастро и заигрывая с набирающей силу флоридской кубано-диаспорой, американцы принимали с распростертыми объятиями всех беглецов с Кубы. Всех, кто достигал их берегов незаконно – на угнанных баркасах и самодельных суденышках, на плотках, лодках, обветшалых катерах и скрипящих яхтах, даже на захваченных силой пассажирских самолетах.

Те, кому ранее отказывали в визах сами США, поняли, что получают желаемое, если будут вершить свои преступления под благовидным предлогом инакомыслия. Ступивших на благодатный берег Флориды граждан Кубы тут же поднимали на щит политических беженцев, предоставляли вид на жительство, работу и пособие.

Тут-то и случилось непредвиденное. Цель – показать американскому люду, что социализм – это нечто запредельно плохое, что от него все бегут, соединенная с навязчивой идеей насолить Кастро лично, дала неожиданный сбой. Фидель открыл порт Мариэль для всех желающих покинуть Остров. Их набралось 125 тысяч...

Во Флориду устремились все, кто штурмовал зарубежные посольства в надежде ускорить свой отъезд с Острова свободы на континент американской мечты о ней, не ведая, что большинству из них доведется грезить о лучшей доле, натирая полы и перемывая тарелки новым хозяевам. Они будут говорить о Свободе, не зная ее и теряя ее навсегда. Ведь по настоящему свободен только тот, кто чувствует себя свободным везде. Они не ощущали себя

свободными на родине, Америка же давала шансы далеко не всем. И вряд ли в категорию избранных попадали те, кто никогда бы не оценил свободу, потому что не понял бы ее. Те, кто безоговорочно согласился бы утратить ее «за банку варенья и пачку печенья».

Вместе с диссидентами, самых ретивых из них по такому случаю даже выпустили из психушек, Кастро посадил на баржи тысячи уголовников, которых устал кормить в своих тюрьмах.

Иммиграционные власти США схватились за голову, но было уже поздно. Дикая приливная волна с отбросами наводнила улицы курортного Майами, пополнив ряды попрошаек и маргиналов и одновременно уличные банды, корпорации убийц и синдикаты наркоторговцев. Лишь братья Кастро смогли бы держать кубинских гангстеров в ежовых рукавицах.

Майами для амбициозных бандитов кубинского происхождения в большинстве случаев стал либо небом в клетку, но уже в американской тюрьме, либо некрополем. Были и исключения. Для некоторых Майами поначалу превратился в трамплин к стремительному восхождению на высшие ступени гангстерской иерархии и только после этого стал некрополем. Именно поэтому подобные повороты и хитросплетения в судьбах уголовников уместнее назвать правилом без исключений. Финал здесь всегда ожидаем и прогнозируем, как конец голливудского блокбастера «Лицо со шрамом» с Пачино в роли кубинского наркобарона Тони Монтана, не осознавшего под воздействием кокаина собственную смертность даже после отправки в мир иной.

В итоге сенаторам и конгрессменам, лоббирующим интересы потерявших собственность на Кубе олигархов и латифундистов, так и не удалось насолить Кастро. И тогда со скрипом объявили временное перемирие, увеличив визовую квоту. Количество нелегальных челноков сократилось. Но до поры до времени. Мира между социалистической Кубой и столпом свободного мира – Соединенными Штатами – не могло быть по определению.

Блокада не закончилась. Поколения кубинцев сменяли друг друга в условиях непрекращающегося эмбарго. Многолетние экономические санкции закаляли народ, воспитывали в людях рачительность и экономность, но одновременно они рождали и новых авантюристов, готовых поживиться за счет всеобщего дефицита. Ласаро Мунеро Гарсиа был из их числа. Его «бизнес-проект» с точки зрения воплощения в жизнь не показался бы утопией ни здравствующим жителям фешенебельного Майами, ни ожидающим запрещенного трансфера во Флориду гражданам Кубы, уставшим от соцреализма.

Надо отметить, что десятилетия противостояния с могучей сверхдержавой укрепили Фиделя в тезисе Ленина о возможности победы социалистической революции в отдельно взятой стране. Его поколебленный развалом Страны Советов дух укрепился в конце девяностых приобретением нового союзника в лице грозного Чавеса. А значит, война продолжалась.

Американцы испытывали эйфорию после разрушения второй сверхдержавы, чувствовали полную безнаказанность, а значит, недооценивали своих врагов. Да, они научились свергать неугодные режимы не только силой прямой интервенции, но и с помощью разноцветных революций. Но они не учли, что Фидель со временем научился адаптироваться ко все новым и новым изменениям политического ландшафта. Для кубинской революции любая неолиберальная революция являлась контрреволюцией, а как поступать с «контрой», на Кубе знали со времен разгрома наймитов, диверсантов и бандитов на Плая Хирон и в горах Эскамбрея...

...Ласаро смерил Иослайне гневным взглядом, пробормотав под воздействием очередной порции рома:

– Говоришь, ты член Комитета? Я тоже член...

– Я в этом не сомневаюсь, – усмехнулась девушка. Краем глаза она заметила приближающегося придурка в оливковом берете с красной звездочкой, с усиками и бородкой а-ля Че Гевара. В конкурсе двойников даже в заштатном городишке у него не было бы шансов. Но здесь, в пьяном угаре «Ла румбы», его легко идентифицировали с героем.

Потеревшись секунду об оттопыренную задницу Иослайне, двойник Че выпустил в нее дым от сигары и сообщил, что она ему нравится:

– Линда мучача! Магнифико! Адмираблементэ! Сой солтеро, сойалегриа!

В том, что она прекрасна, Иослайне не сомневалась и без комплиментов этого «фрика», а то, что псевдо-Че одинок, ее в данный момент устраивало. Выяснилось, что он, как и всеобщий кумир, аргентинец и что живет он в двухзвездочном отеле не вследствие скудости кошелька, а исключительно в силу природного аскетизма, присущего партизанам.

– Узнай, только аккуратно, есть ли у него деньги, – шепнул путане на ухо нетерпеливый Ласаро.

– Это совет не мальчика, но мужа, – огрызнулась Иослайне, спросив аргентинца в лоб: – У тебя есть деньги?

– Тридцать песо конвертибле, – отчитался «Че».

– Мало, – отрицательно покачала головой пута. – Сорок!

– В отеле есть еще, – нехотя признался двойник.

– Ты на машине? – Глупый вопрос, откуда у постояльца двухзвездочного отеля автомобиль. – Ладно, придется взять такси до отеля. Я подожду тебя в машине. В Карденасе у меня есть casa.¹² Это обойдется тебе еще в пятнадцать песо. Согласен?

Аргентинец запыхтел «коибой», имитируя астму. Затем, обнажив стройный ряд белоснежных зубов, выдал:

– Forever!

– Сегодня придется перепихнуться с сумасшедшим, – прокомментировала Иослайне.

Ласаро вывел девушку, всучив потрепанный песо старому знакомому на выходе. Молчаливый таксист с непроницаемым лицом осведомителя уточнил адрес пункта назначения. Его партийная совесть, как обычно, проиграла кратковременную схватку с возможностью подзаработать. Правда, когда водитель увидел аргентинца в облике Че, то понял – чаевыми здесь не пахнет. Такие идиоты платят строго по счетчику. Однако деваться было некуда – девушка уже втолкнула «Че» в салон и хотела было нырнуть в него сама. Остановил Ласаро.

– Моя десятка?! – Он крепко держал ручку дверцы.

– Давай потом, – попыталась ускользнуть девица.

– Мы так не договаривались! – едва не срываясь на крик, зашипел Ласаро.

– О'к. Дай, пожалуйста, десятку в счет моего гонорара, – обратилась она к аргентинцу. Тот не сразу выкопал из заднего кармана брюк смятую купюру и передал ее красотке.

Иослайне недовольно протянула десятку своему провожатому, одарив его на прощание презрительным взглядом.

Ласаро взял деньги, нервно хихикнув уголком рта, и пригласил леди в салон лицедейским жестом с целью демонстративно хлопнуть дверцей.

Все так и вышло. Он хлопнул дверцей и поднес скомканную купюру к носу. Видно, хотел лишний раз убедиться, что деньги все-таки пахнут. В сей сладостный момент чья-то волосатая рука резким движением вырвала издававшую виды банкноту из-под органа обоняния Ласаро.

«Черт возьми!» – проклял весь белый свет непутевый хинетеро,¹³ ощущая снисходительное похлопывание по плечу увесистой ладонью здорового лейтенанта Мануэля

¹² Casa particular – частный дом (исп.).

¹³ Хинетеро – собирательный термин, обозначающий мелких мошенников, сутенеров и проституток вне зависимости

Мурильо, приставленного к нему в качестве надзирающего соглядатая после заключения. Вместе с сержантом Эстебаном де Мендоза они составляли известную в округе парочку полицейских, прозванных Гранде и Пэкэньо.¹⁴ Эти прозвища являлись самыми нейтральными из всех ярлыков и кличек, которыми их величали за глаза.

– Ну что, допрыгался?! – грозно буркнул тучный лейтенант.

Иослайне и ее незадачливого трусишку в облике героя уже вовсю тряс напарник лейтенанта, коротконогий сержант Мендоза, наиболее обидным прозвищем которого было слово «баньо».¹⁵ Заявляясь к кому-нибудь в гости, Мендоза первым делом спрашивал, где находится ванная комната. Все без исключения понимали, что на самом деле он ищет туалет – Эстебан страдал болезнью почек, отягощенной циститом, и геморроем в придачу. В отношении задержанных он всегда спешил, был скор на расправу и конкретен в цене на индულгенцию от нее.

– Двадцать, – не уступал он девушке, одновременно убеждая аргентинца, узурпировавшего образ Че, что к нему никаких претензий нет, и при этом не сомневаясь, что двадцатку придется выложить именно туристу. Иначе длинноногого ночного мотылька препроводит в участок коротконогий блюститель закона.

В итоге псевдо-Че расстался с последней имевшейся в наличии купюрой в двадцать песо конвертибле. Их отпустили. Такси помчалось к дешевому отелю, и Иослайне дала себе зарок – больше никогда не связываться с Ласаро Мунеро. Этот невезучий стервятник приносит одни неприятности. Он словно притягивает неудачи. Где Ласаро – там всегда проблемы...

– А я тут при чем, лейтенант? – Теперь, когда путу отпустили, бояться было нечего. Нет свидетеля – нет преступления! – Я же не под домашним арестом, а всего лишь под надзором. Мне что, и погулять нельзя?!

– Ты догулялся, Ласаро. – Лейтенант Мурильо защелкнул наручники на запястьях недоумевающего правонарушителя.

– Хеладо,¹⁶ что натворил этот злодей? – скороговоркой спросил сержант Мендоза, обращаясь к напарнику по-свойски. Дело в том, что Мурильо, как и миллионы других сладкоежек, был равнодушен к вкуснейшему кубинскому мороженому «Коппелья» и не упускал случая отовариться без очереди, используя служебное положение, у фирменного лотка. Возмущавшимся детишкам Мурильо объяснял, что спешит на задержание особо опасного преступника, а двое его сорванцов так просили папу привезти мороженое.

На резонные предположения подростков о том, что мороженое все равно растает, пока полисмен довезет его до своих детей, бездетный Мурильо отвечал, что растаять оно не успеет. И здесь он точно не лукавил, ибо являлся в деле поглощения лакомства истинным метеором. Он умудрялся истреблять мороженое с поразительной скоростью, буквально за считанные минуты. Минуты – потому что обычно Хеладо не ограничивался двумя-тремя порциями. Приемлемой для него цифрой было число «6».

Лейтенант не понаслышке знал о проблемах Баньо с мочеиспусканиями и иными выделениями и уже год пытался вытребовать в полицейском участке нового напарника, не столь расторопного, как любимчик начальства сержант Мендоза. В их неблагодарной работе торопливость только вредит. Чем медлительнее и основательнее подход к задержанным, тем больше их нервозность и желание искать обходные пути избавления от назойливых стражей порядка. Этого Мендозе не дано было понять по чисто физиологическим причинам. Этот

от пола (куб.).

¹⁴ Гранде и Пэкэньо – Большой и Малый (исп.).

¹⁵ Баньо – ванная комната (исп.)

¹⁶ Хеладо, helado – мороженое (исп.).

коробейник довольствовался мелочовкой и даже не представлял, что в их сети сейчас угодила не совсем мелкая рыбешка.

В лицо Ласаро Мунеро Гарсиа знал только лейтенант Мурильо, решивший, что вводить в курс дела своего коллегу не стоит.

– Мендоза, зайди в «Ла Румбу», там отличный ватерклозет. Выдави свое жало и отложи личинку. А я пока потолкую со старым знакомым.

– Ладно, – не дал себя уговаривать Баньо и отправился внутрь заведения.

– А теперь слушай сюда, красавчик, – состроив на лице зловещую гримасу и в довершок тыкая указательным пальцем в грудь подозреваемому, зарычал на Ласаро лейтенант. – Твоему дружку Хулио Сезару не суждено вступить в клуб кантинеро.¹⁷ А вот стукач он оказался отменный. Твой подельник сдал тебя с потрохами. Выдал на блюде, как обставили дело с немцем. Ты верно этого «Че Гевару» заприметил – привыкать надо, ведь сидеть тебе в городе герилья,¹⁸ в Санта-Кларе. И упрячут тебя за решетку лет на двадцать, как политического. Грабеж со взломом в отеле – это же чистейшая диверсия против одной из главных статей государственного бюджета. Знаешь, как нас инструктируют перед заступлением в патруль? Предупреждают, чтобы мы пылинки с туристов сдували. Ты что, не видишь? Дорожная полиция их даже за превышение скорости не тормозит, их даже за вождение в нетрезвом виде не привлекают! На все закрываем глаза. Лишь бы они к нам прилетали. И привозили чертову валюту! А ты что делаешь?! Подрываешь. Вот что! Ты подрываешь! А ты хоть знаешь, что ты подрываешь?...

От осознания внезапно нагрянувшего апокалипсиса у Ласаро выступил пот на лбу. Он неадекватно ерзал головой, но сии манипуляции вокруг шеи были восприняты лейтенантом Мурильо как отрицательный ответ на его вопрос.

– Не знаешь! Откуда тебе знать... Устои... Ты подрываешь устои. Думаешь, снова обведешь всех вокруг пальца? Я ведь знаю, что ты до Майами тогда доплыл. А всем сказал, что рыбачил. Тебя же несколько месяцев не было! Дураками нас считаешь?! Просто пожалели тебя и мать твою. А ты вон как отплатил, ублюдок! А может, тебе «гусанос» в Майами задание дали – грабить туристов в Варадеро и Гуардалаваке, чтобы сократить наплыв иностранцев и ослабить экономику Свободной Кубы?

– Отпусти меня, Мануэль... – взмолился рыдающий Ласаро. – У меня есть триста долларов... А браслет и видеокамеру я верну. И нижнее белье...

Разговор приобретал для сеньора Мурильо коммерческие очертания. Общась в данной плоскости, можно было сорвать куш... Не отчаль немецкие гости с Кубы без заявления, их ограбили за день до отлета во Франкфурт, Мурильо не стал бы углубляться в растолкование текущего политического момента неисправимому сутенеру и дебоширу, коим являлся задержанный Ласаро Мунеро. А так – потерпевшие испарились. Расколовшийся подельник Ласаро, вечный помощник бармена Хулио Сезар, мог и оговорить дружка. Мало ли. Поколотили дубинками – он и охаял первого, кто пришел на ум, только б себя обелить. В общем, надо было договариваться, пока Мендоза не вернулся.

– Сегодня с тебя браслет и деньги. Видеокамеру принесешь завтра. А я до завтра состряпаю для тебя правдоподобное алиби – то, что лепечет твой амиго Хулио Сезар, недоказуемо. Отпечатков твоих нигде нет, а опознать тебя могут только немцы. Кстати, это самое трудное... Но не волнуйся, их свидетельские показания я беру на себя. Главное, сегодня же вернуть бюргерам хотя бы браслет, и, сам понимаешь, лояльность следственной группы за бесплатно не получить. Тут трехсот баксов вряд ли хватит, – почесал подбородок «участливый добряк» Мурильо.

¹⁷ Кантинеро – профессиональный бармен (*куб.*).

¹⁸ Герилья, guerrilla – партизанская война (*исп.*).

– Это все, что я могу сегодня достать... – поклялся обнадеженный вор. – Деньги и браслет у моей девушки. Надо заехать к ней, забрать. Это недалеко, в Карденасе.

– Ладно, остальные бабки отдашь потом. Понадобится примерно столько же. Можешь особо не спешить. Вернешь дней через пять. Нормально? Только не позднее следующих выходных. Придется успеть – у меня день рождения в воскресенье. С тебя подарок.

– Ну, я пошел за браслетом и за деньгами... Мануэль, может, снимешь с меня наручники? – Ласаро, столкнувшись с привычной коррумпированностью патрульных, постепенно приходил в себя.

– Побудешь пока закованный. И в машине молчок о предмете нашего договора. Понял? – сурово предупредил Мурильо.

Ласаро кивнул в знак согласия.

В темноте показался силуэт облегченного Эстебана Мендозы.

– Ну, что ты решил с этим недоноском? – поинтересовался сержант.

– Я думаю, ты не против, что сегодня и я заслужил двадцатку. Хотя бы за расширенную политинформацию этому мерзавцу, – ворчливо пробубнил Мурильо, толкая задержанного к полицейской машине. – У него с собой ни сентаво! Придется ехать к его девчонке.

Машина тронулась в путь, к Карденасу.

...Ласаро обрадовался, когда узнал, что Элисабет одна дома.

– А если бы Хуан Мигель с Элиансито уже вернулись из Камагуэя? – недовольно встретила его сонная Элис.

– Опять ты трясешься от страха перед бывшим мужем! У меня проблемы, дорогуша. Видишь полицейскую машину? Это мой эскорт. Срочно нужны деньги. Я отдам! Иначе мне крышка...

– Что ты опять натворил? – испуганно произнесла Элисабет.

– Не сейчас. Если ты мне не поможешь, повторяю – мне крышка. Я влип. По уши в дерьме.

– Сколько тебе надо?

– Триста долларов.

– Но у меня нет столько.

– Тогда я пропал. Меня упекут за решетку. Единственный выход – немедленно всучить взятку этим уродам... Я ограбил иностранцев.

Элисабет вдруг осенило, что и браслет, и нижнее белье, подаренные ей накануне, имеют ко всему этому самое непосредственное отношение. Ласаро пострадал из-за нее. Бедный мальчик...

– Браслет? – На сей раз интуиция не подводила ее. И лишь мотивация ее героя простиралась за пределами понимания доверчивой и влюбленной женщины.

Ласаро промышчал нечто нечленораздельное, подтверждая своим бормотанием предположения Элисабет.

Ее любимый в опасности, и она может ему помочь. Ведь деньги есть в доме. Хуан Мигель неустанно повторял, что даже сейчас, после развода, у них общий бюджет, и она может пользоваться хоть всей суммой по своему усмотрению. Добрую половину сбережений составили ее чаевые, собранные почти за два месяца. Там, в «секретной кубышке», триста долларов с мелочью. А браслет... Этот злополучный, почти космический атрибут чужого мира... Даже когда она надевала его на запястье, он казался инородным телом, мозг отказывался признавать собственную руку, окольцованную дорогой побрякушкой. Конечно, его надо отдать...

Она уже вытряхивала тайный сосуд и суматошно пересчитывала деньги. Что скажет Хуан Мигель, когда обнаружит в тайнике лишь пару кубинских песо? Что подумает? Как

объяснить ему пропажу? Выдумать что-нибудь? Сказать, что их ограбили, или признаться во всем? И что тогда?... А что сейчас? Их объединяет только ребенок. Они оба это понимают. Ничего нельзя вернуть, как нельзя реанимировать труп...

– Вот деньги и браслет, – протянула Элисабет необходимую Ласаро сумму и жгущий руку предмет.

– Там еще это... Надо бы вернуть и то нижнее белье, – напомнил любовник.

– Ах да! – вскрикнула Элис и спустя мгновение вернулась с небольшим свертком. – Вот оно. Отдай все, лишь бы они тебя отпустили.

Он, не благодаря, рванул с возвращенными подарками и деньгами чужой семьи к своим конвоирам, оставляя Элисабет с одной только мыслью – о том, что она не могла поступить иначе.

Снова войдя в свою спальню, она бросила взгляд на открытую тумбочку с выдвинутым ящиком, откуда минутой раньше был извлечен ворованный браслет. Там лежало еще одно украшение – бусы из семян и ракушек, первый подарок Хуана Мигеля. Она взяла бусы в руку, и внутренний голос констатировал факт: «Это принадлежит мне по праву, и никто не попросит это назад...»

Но голос из подсознания был тут же заглушен. Элис аккуратно положила бусы обратно и задвинула ящик.

...Лейтенант Мурильо, оставивший Баньо в машине, перехватил Ласаро на углу и принял деньги вместе с браслетом без актов и протоколов.

– Здесь триста? – нахмурил бровь нечистый на руку полисмен. – Ладно, пересчитывать не буду. У тебя есть пять суток на погашение оставшейся части. Браслет и это еще что? Белье... Верну потерпевшим сегодня же. Главное – не трепи языком. С немцами, думаю, до завтрашнего вечера уладим и с алиби твоим. Все, свободен... До завтра. Надеюсь, видеокamera в исправном состоянии?

Мурильо отстегнул наручники, и Ласаро побежал прочь.

– Ну все, теперь мы квиты. Оба срубили по двадцатке, – хитро подмигнул Мануэль Эстебану.

– Твой куш побольше будет, амиго, – намекнул сержант на лукавство напарника.

Мурильо завелся:

– Что ты имеешь в виду?!

– А то! Думаешь, я не видел, как ты у него еще в «Ла Румбе» червонец вырвал! Значит, тридцатку с него поимел, а не двадцатку. Мне все равно, только не надо меня за простофилю держать! Я тебе не лузер какой-то!

– Да пошел ты! – плюнул в окно лейтенант, уже спокойный. Баньо видел только верхнюю часть «айсберга», самый мизер из того, что сегодня провернул Хеладо.

Превратности судьбы. Того, что видел Мендоза, оказалось недостаточным, чтобы в недалеком будущем, когда агенты спецслужб начнут расследование совсем по другому делу, в котором также фигурировала личность Ласаро Мунеро Гарсиа, обвинить лейтенанта Мурильо в коррупции:

– Я не знал Мунеро в лицо. А лейтенант Мурильо знал, так как был к нему приставлен. Он знал, что тот подозревается в ограблении немецких туристов, и отпустил его за тридцать песо. Продался за тридцать серебряников, иуда!

Сослуживцы по участку не сомневались, что Мурильо и Мендоза друг друга стоили. Памятуя о целом прејскуранте прозвищ двух «неразлучных товарищей», они единогласно выделили для оценки ситуации наиболее подходящие, метко пошутив в раздевалке:

– Баньо наконец-то покакал... Мороженым!

* * *

Бежать... Бежать. И чем быстрее – тем лучше. В этой проклятой стране с детских лет его только что и делали – так это унижали, отчисляя то из одной школы, то из другой. А он просто отстаивал свое мнение, как мог...

Ничего, что посудина ветхая и мотор на ладан дышит. До Флориды 90 миль. Проскочим...

Набралось семь платных клиентов. Живые деньги. Можно прихватить с собой только что оправившуюся от инфаркта мать, отца и брата. Можно, наконец, взять ребенка. Прекрасная мысль. Почему бы и нет. Хотя бы затем, чтобы насолить Даяне и ее склочной мамаше, донье Регле. Она никогда не уважала его, не считала достойной партией для своей дочурки. Подыскивала Даяне какого-нибудь прилизанного номенклатурщика из Союза молодых коммунистов. Обзывала неучем и неудачником. Это из-за нее все разладилось с Даяной, упрямой малолеткой, которая никогда бы не вырвалась из-под опеки своей мамыши.

Даяны дома не было. Ее вздорная старуха мать не согласилась дать Ласаро грудного Хавьера Алехандро. Что она себе позволяет! Это его ребенок! Эх, если бы дома вместо доньи оказался только отец Даяны дон Осегера. Тогда бы Ласаро смог осуществить задуманное – старик Лоренсо был простаком, обвести вокруг пальца такого бедолагу было бы одним удовольствием.

Ладно, времени на киднеппинг не оставалось. Донья Регла что-то заподозрила. Проницательная ведьма! Однако сильно Ласаро не расстроился, так как выкрасть собственного ребенка было для него второстепенной задачей. А тот факт, что по завершении успешного плавания грудной Хавьер мог стать для него в Штатах обузой, успокоил самобичевание Ласаро за эту неудавшуюся попытку «праведного» обмана.

На хвосте крутился его жадный надсмотрщик лейтенант Мануэль Мурильо. Ласаро больше не собирался с ним пересекаться в этой грешной жизни и тем более не имел ни малейшего желания платить ему вечную дань.

Ласаро сжигал все мосты. Ему нечего было здесь терять. Для него Остров свободы мог стать лишь тюрьмой.

С детства он был сильнее всех своих сверстников, но они, с их чувством стадности и коллективизма, всегда объединялись против него или в силу своего бессилия жаловались учителям. А если он сколачивал вокруг себя ребят, признающих его безоговорочное лидерство и непререкаемую власть, – его определяли в правонарушители и почти всегда изгоняли из школы.

Повод без труда находился. Ведь он был человеком действия, человеком протеста. Если какого-нибудь школьника поранили шилом, если какой-нибудь старшекласснице разбили нос или школьный двор забросали жестяными банками с экскрементами – можно было не сомневаться, что это дело рук Ласаро и его дружков.

Такие, как он, завоевывают Америку. Потому что действуют без оглядки на последствия. Своим процветанием в Штатах он отомстит системе, отвергшей его...

Не давал покоя главный вопрос – надо уговорить Элисабет. Без нее, вернее, без ее богатеньких родственничков на первых порах придется худо.

– У меня все готово. Уже завтра и ты, и Элиансито будете в раю! – не принимал возражений Ласаро, склоняя Элисабет к принятию решения, его решения, в доме своих родителей.

– Я не собираюсь никуда уезжать, – не соглашалась Элис.

Тяжелая артиллерия аргументов в пользу немедленного отъезда неожиданно громыхнула из уст седой матери Ласаро доньи Марии Элены, женщины властной и говорливой, вмешавшейся в разговор любовников как нельзя кстати для терпящего терпение Ласаро.

– Девочка моя, – заворковала донья Мария Элена, – мой мальчик любит тебя. Иначе бы он не вернулся из Майами. Он приехал, рискуя жизнью и свободой только ради тебя. Ты нужна ему...

– Да пойми ты, – бесился Ласаро, – если тебе там не понравится, мне не составит труда вернуть тебя и Элиана обратно. Для меня это раз плюнуть!

– Что значит – не понравится, – вставила союзница-мать. – Там не может не понравиться. Элис, мой мальчик знает, как заработать деньги. Он уже раздобыл семь тысяч долларов. То, что здесь незаконно, – там приветствуется. Ты сможешь помогать своей семье так, как она этого заслуживает.

Элисабет молчала. Но вдруг, вспомнив Хуана Мигеля, произнесла:

– Для Хуана Мигеля Элиан – такой же сын, как и для меня. Это будет несправедливо по отношению к нему.

– Несправедливо?! – ошетинилась престарелая донья. – Это он чудовищно несправедлив к тебе, детка. Мало того, что весь город всегда знал о его похождениях, что он тебя позорил, не видел в тебе женщину, в отличие от моего мальчика. Так он, вот что я тебе скажу, он проводит почти все свободное время со своим грудным сынишкой.

– У него есть ребенок кроме Элиансита?! – не поверила Элисабет.

– Отвези ее по этому адресу, – приказала сыну мать и протянула рваный клочок бумаги, где аккуратным убористым почерком были указаны калье и номер дома. – Пусть убедится своими глазами... Только надо ехать прямо сейчас, – добавила она шепотом на ушко сыну.

Ласаро привез Элисабет по указанному матерью адресу. Он припарковал свою машину, как всегда предусмотрительно не заглушая мотор, у небольшого, выкрашенного в голубой цвет здания на вымощенной речным камнем улочке между портом и ромовым заводом.

Ждали недолго. К дому приближалась обнимающаяся парочка. Мужчина держал на руках младенца. Они зашли в дом и скрылись за массивной, окованной железом дверью. Это был Хуан Мигель.

– Поехали! – решительным тоном скомандовала Элис.

– Может, зайдём, посмотрим, чем они там занимаются? – смаковал разоблачение доселе положительного образа Хуана Мигеля его соперник. План его матушки удался. Хуан Мигель опорожен. Он предстал перед Элис в облике лгуна, ну, или полулгуна. Какая разница! Главное – результат. Элис попросила два дня на сборы...

22 ноября 1999 года Пригород Карденаса

Ветер не утихал уже двое суток, вселяя тревогу не только в нестройные колонны океанских волн, но и в сердца полдюжины людей, решивших покинуть родину и доверившихся лоцману-дилетанту по имени Ласаро Мунеро.

– Там рай, – говорил человек с болтающимся на ремне мачете,¹⁹ но маленький Элиансито почему-то сомневался в этом, глядя на мутное небо, размывшее горизонт, и противного черного грифа с красной головой, парящего над убогим баркасом – ковчегом для обреченных на опасное странствие.

Люди перетаскивали баулы с вещами, несмело ступая по ржавому трапу, еле слышно, с оглядкой браня самоуверенного командора. Они наспех прощались с немногочисленными родственниками, глаза которых то и дело увлажняли не подконтрольные разуму слезы.

Черный гриф-индейка, известный поедатель падали, теперь кружил над баркасом не один, созвав целую стаю красноголовых собратьев. Растопырив жидкие крылья, они то пикировали к прибрежным скалам, то взмывали ввысь. Непостижимая траектория их полетов была сродни хаосу, царящему в настроениях беженцев. Мечущихся птиц, не способных определиться с нужной высотой, кое-кто из провожавших посчитал предвестницами беды.

У одной из молодых женщин по имени Арианна, отважившейся отправиться в рискованное плавание с пятилетней дочуркой, сдали нервы. Легкая перебранка с Ласаро дала ей понять, что вытребовать свою тысячу, уплаченную в качестве предоплаты за перевоз, она не сможет ни при каких обстоятельствах, так как деньги якобы уже израсходованы на подготовку экспедиции. Тогда она всучила свое дитя провожавшей матери и, демонстрируя свое пренебрежение то ли к Ласаро, то ли к риску, который теперь грозил только ей, понесла последний узелок на посудину с сомнительной живучестью. Накопить такую сумму еще раз для нее было практически нереально, поэтому иного выхода, на ее взгляд, не оставалось. Переправку своей малышки Эстефани и престарелой мамы она задумала организовать потом... Когда встанет на ноги в США.

– Мам, а почему папа с нами не поехал? – хлопал карими глазенками Элиансито.

– Тебе не надоело трепаться о своем папаше?! – резко оборвал его Ласаро, уже заведенный препирательством с «сумасшедшей» Арианной. – Ты и так болтаешься с ним целыми днями. Пора взрослеть. Завтра ты будешь в Америке, где есть все, о чем ты мечтаешь...

– И большущий Микки-Маус? – Вопрос недоверчивого Элиана Ласаро мысленно занес в разряд примитивных, но все же ответил:

– Микки-Маус – не единственное, что ты там увидишь.

– А новый самокат?

– На нем ты отправишься к Микки-Маусу, – съязвил Ласаро, утомленный глупым допросом мальчишки.

– А игрушечный мачете в кожаном колчане с индейскими узорами и профилем Атуэя?²⁰ – не отставал привередливый мальчик.

– Зачем тебе игрушечный мачете?! Видишь, у меня есть настоящий. Им можно отрезать твой непослушный язычок, если он не перестанет болтать без дела... – Угроза не выглядела такой уж шуточной, особенно для Элиансито, испугавшегося не столько раздраженного тона

¹⁹ Мачете – сабля для рубки сахарного тростника, которую можно использовать и в качестве холодного оружия (*исп.*).

²⁰ Атуэй – вождь индейцев. Возглавил восстание 1511–1512 гг. против испанских завоевателей. Был взят в плен и по приказу Диего Веласкеса де Куэльяра сожжен на костре.

маминого знакомого, сколько грозного вида его мачете с массивной рукоятью из розового дерева.

– Тебе обязательно пугать ребенка?! – вступилась мать.

– Не обижайся на него, девочка моя, – как всегда вовремя возникла дымящая сигарой донья Мария Элена. – Это все проклятые дивисас.²¹ Они вскружили голову бедному мальчику. Их приходится отрабатывать. Он сейчас так занят, что не очень-то выбирает выражения. Ты должна его понять, милая. Он ведь и ради тебя старается. Прежде всего ради тебя, детка.

– Я хочу к папе... – с надеждой глядя на маму, попросил Элиансито.

– Теперь он твой папа. – Бабка с сигарой во рту, похожая на бабалаву,²² указала на маминого знакомого.

– Пап не бывает двое. Папа должен быть один! – не согласился ребенок, сжав губы и ища глазками подтверждения своему выводу хотя бы в одобрительной мимике мамы. Но мама почему-то никак не отреагировала на его реплику. Она молчала. – Правда, мама?! – громко прокричал Элиан, теребя ее за рукав.

Элисабет не отвечала сыну, отрешенно наблюдая за последним зашедшим на борт пассажиrom, во взгляде которого она прочитала собственные мысли.

Кряхтящего дона Рамона Рафаэля, отца Ласаро, сын и женушка смогли уговорить на переезд лишь путем прямого ультиматума, заверив, что, если он продолжит упрямиться, они отчальят и без него. А как ему, одинокому пожилому человеку, жить потом без родных? Как-никакие, но они же самые близкие. Останови он этих «путешественников», они бы замучили потом упреками, шантажом и придирками. Проели бы плешь, обвиняя в том, что из-за него они не воплотили в жизнь свою мечту и не добрались до рая на земле.

А кто знает, где он, этот рай? Может, он здесь, на Кубе... Если человек постоянно говорит, что ему живется плохо, Господь может показать ему, как бывает «по-настоящему плохо». А когда человек видит хорошее даже в не очень-то легкой жизни, Бог покажет, что такое «хорошо по-настоящему».

Может, Фидель и вправду пророк, подобный Моисею. Сорок лет с 1959 года он указывал им путь, ограничиваясь пределами одного острова, объясняя, что не надо ничего искать, что они и так в раю. На своем острове, где водятся тысячи уникальных животных и нет ни одного ядовитого. Где священные и величавые деревья сейба растут рядом с огненными цезальпиниями. Где распускается белоснежная марипоза и щебечет крохотная токороро, сине-красно-белое оперение которой подобно кубинскому флагу. Может, спустя сорок лет блуждания по острову их земля сама превратилась в рай, причем превратилась с помощью их собственных натруженных рук, с одинаковым упорством умеющих держать и плуг, и винтовку...

– Ты должен ехать ради сына, – приговаривала Мария Элена, собирая дона Рамона в дальнюю дорогу. – Он здесь пропадет, сгинет в раулевских застенках. А там, в Америке, такие перспективы... Ты нужен своему сыну. Не предавай его.

...Когда вождь первой войны за независимость Кубы Карлос Мануэль де Сеспедес был поставлен испанцами перед выбором – спасти родного сына или предать свой народ, герой предпочел пожертвовать жизнью сына, нежели выкупить ее ценой предательства.

Дон Рамон Рафаэль хорошо знал историю, но не считал себя способным на геройство. Внутренне он казнил себя за малодушие, всем сердцем чувствуя, что совершает ошибку, но, привыкший плыть по течению, он, словно зомби, входил в мутную реку чужих иллюзий, не ведая, куда занесет его это бурное течение.

²¹ Дивисас – доллары (куб. сленг).

²² Бабалаво – служитель афрокубинского культа «сантерия».

– Отдай конец! Бросай его мне! – орал Ласаро неуклюжему юноше, который пытался снять канат с кнехта. – Что ж ты такой медлительный... Глуши мотор – трос натянулся! Этот немощный его не снимет...

– Может, задний ход дать? – неуверенно спросил глуховатый Бернардо, добровольно возложивший на себя скромную роль боцмана, но, встав у штурвала, тут же возомнивший себя Магелланом.

– Выруби мотор и отойди от штурвала, дебил! – приказал Ласаро, сопровождая свои требования выразительными жестами.

– А ты уверен, что мы его потом заведем? – усомнился отверженный боцман, однако подчинился вожаку – заглушил двигатель, недовольно спустился с капитанского мостика и угрюмо направился клюку, ведущему в трюм. Чем терпеть оскорбления, лучше пойти проверить наспех сваренную заплату в машинном отделении. На самом деле на этой ржавой посудине времен Батисты, почти такой же дряхлой, как затопленная в этих водах в середине Второй мировой немецкая субмарина, имелась не одна заплата ниже ватерлинии. Но Ласаро и его «боцман» знали только об одной залатанной пробоине.

– Тяни на себя канат, слабак! – кричал во все горло Ласаро. – Вот так, бездельник. Бросай на борт! Наконец-то. Отдать швартовы! – Он входил в роль как мог – ругался нецензурной бранью и суетился, заводясь раньше двигателя.

С горем пополам мотор, основательно прокашлявшись, затарахтел, но как-то болезненно и неуверенно, вяло потащив беженцев к расплывшемуся в пасмурном небе горизонту, за которым простиралась заветная Флорида – форпост американской мечты.

– Я хочу к папе! – Глядя на вскипающие за кормой буруны, Элиансито еще раз напомнил о себе.

– Успокой его, или я его успокою! – ощерясь по-волчьи на Элисабет, грубо предупредил Ласаро. – Отведи его в каюту.

– Там все равно нет места, – огрызнулась Элис и прижала ребенка к груди.

«У этого Ласаро мачете острый, как лезвие. Будь здесь папа, уж он бы ему показал...» – подумал Элиан, и эта приятная мысль вместе с теплым пледом, которым укрыла мальчика мама, стала потихоньку убаюкивать самого юного пассажира злополучной яхты. Неприглядный вид этого баркаса мечты вполне соответствовал тому, что было предназначено ему судьбой, – стать последним пристанищем отправившихся в поисках лучшей доли двенадцати граждан Кубы.

Большинство из них, подобно Ласаро, не дорожили своим гражданством. Некоторые, как дон Рамон, подчинились чужой воле и следовали по вынужденному маршруту. Кое-кто, такой была Элисабет, действовал инстинктивно, спонтанно, непродуманно, повинаясь первой эмоции и прислушиваясь лишь к мимолетной горечи и нестерпимой на скорый взгляд обиде, как это умеют делать латиноамериканские женщины. Но был среди этих горемык, зараженных вирусом отчаяния и пытающихся найти спасительную сыворотку вовсе не там, где ее производят, один человек, который вообще смутно представлял, куда несет его эта некрасивая и обшарпанная лодка страха, которую взрослые почему-то приняли за ослепительно-белый корабль надежды...

* * *

Неутомимые волны бились о борта, разбалтывая яхту, как свирепая горная река бросает из стороны в сторону байдарку бесшабашных экстремалов – фанатов рафтинга. Морская болезнь, вечная невеста шторма, накрыла всех своей обездвиживающей фатой.

Люди, не привыкшие к качке, блевали прямо в каюте, больше не соблюдая приличий и теперь уже вслух проклиная Ласаро. Ведь это он убедил всех, что в штиль и безоблачную

погоду пограничные катера будут шнырять повсюду, а значит, им несдобровать. А в пасмурный день с небольшим штормом их не взять на abordаж. В условиях плохой видимости они проскочат незамеченными... Лучше бы их заметили.

Одна из заплат на днище у кильватера понемногу отклеивалась, давая течь...

Хитроумный план комбинатора обернулся против него самого. Спустя шесть часов плавания вслепую мотор выжал из себя последние соки и стал плевать недоброкачественной соляжкой. В итоге, рыча на пределе своих мощностей, он заревел, как смертельно раненный зверь, застучал подшипниками и валунами, закрипел и засвистел ремнями и в секунду то ли заглох, то ли порвался, то ли просто умер, испустив напоследок коптящийся дымок.

Разобраться с причиной поломки Ласаро бы не смог, да и не пытался. Баркас стремительно кренился на левый борт, одновременно погружаясь в воду ютом. Похоже, пробочина образовалась сзади, на месте той самой стальной заплаты. Давление воды вышибло ее, словно пробку из-под шампанского.

Теперь никто не думал о навигационных навыках лоцмана-самозванца. Паника не оставляет места рассуждениям. Когда все поняли, что судно тонет, страх уже вытеснил последние очаги разума.

Первыми жертвами стали старики. Они не смогли даже выбраться на верхнюю палубу. Каюту затопило в считанные секунды. Погребенными в ней остались в том числе родители Ласаро – донья Мария Елена и дон Рамон – и еще пятеро несчастных.

Огромная волна накрыла палубу, не оставив ни малейшего шанса на какое-либо укрытие. Теперь люди были один на один с океаном. Баркас, а вернее то, что от него осталось, расставался с поверхностью прощальным бульканьем и бурлящими пузырями...

Оказавшись за бортом, Элисабет увидела пару тонущих бедолаг, которые один за другим шли ко дну, и там, ярдах в двадцати от нее, ее маленький Элиансито. Он не кричал, как взрослые, не звал на помощь. Он сражался с волнами и с пределом своих сил, колотя ладонками безжалостный океан. Ему было страшно. Он не мог разглядеть своих брызг – мешали настырные волны, из которых все труднее было выскальзывать.

Папа все не появлялся... Где он?... Сейчас покажется спасательный круг, а потом приплывет папочка. Обязательно приплывет, надо только чуть-чуть продержаться, ведь папа научил его плавать...

Хуан Мигель в эту секунду действительно бежал на помощь. Он приближался к берегу неосознанно. Рыхлый песок замедлял его скорость, но вот он уже по колено в воде. Разгребая руками беснующиеся волны, он продвигался вперед все дальше. Волны отпускали ему пощечины, стирая заодно слезы его отчаяния. Он закричал от своей беспомощности и предчувствия чего-то ужасного...

Записка, эта странная записка от Элисабет с тревожным словом «прости». Человеческая мольба, выраженная глаголом повелительного наклонения. «Прости» практически всегда несет в себе глобальный смысл и почти никогда не относится к просьбе быть снисходительным за какую-то конкретную вину. Так, наверное, легче вымолить прощение сразу за все. «За что «прости»?... – терзался в догадках Хуан Мигель. – Где Элиансито? Зачем Элиса забрала все деньги? Что стряслось?!»

Что-то неведомое вытолкнуло его наружу, на улицу, на авениду, к океану... Его влекло навстречу неизбежности.

Волны били его в грудь, а он всего лишь пытался устоять и удержать себя от безрассудства. Он хотел плыть и не мог объяснить самому себе – куда и зачем... Он чувствовал себя песчинкой, бессильной и бесполезной. Но в этом мире был еще один, более беспомощный человек, его Элиансито. А значит, ему нельзя быть слабым. Ведь он отец...

– Элиан!.. – кричал Хуан Мигель в бесконечную даль, но его голос терялся в рокочущем шуме грозных шеренг. Стройные фаланги волн надвигались, усиливая натиск. Они издева-

тельски подбрасывали его, стараясь поглотить жерновами пенных водоворотов, но он стоял, продолжая звать своего сына.

– Элиан!..

Его мальчик молчал. Он знал, что папа видит его, что он вот-вот протянет руку и спасет. Как тогда... Папа не даст ему утонуть...

Баркаса больше не было. Элисабет разглядела еще одну фигуру: совсем рядом, ярдах в десяти, держась за надутую автомобильную камеру – единственное спасательное приспособление, имевшееся на затонувшем баркасе, плыл Ласаро. Свободной рукой он греб в сторону, противоположную тому месту, где из последних сил барахтался Элиансито.

– Вернись! Назад! – взмолилась Элис, Ласаро находился ближе к ее сыну. Но ее обреченный призыв оставался без ответа. Ласаро продолжал удаляться, не представляя, что безысходность, вдохнувшая в Элис невероятный сгусток энергии, заставила женщину решиться на крайность.

Она уже не плыла, а отталкивалась от воды руками и ногами, стремительно приближаясь. Волны, казалось, подгоняли ее. Расстояние до Ласаро сокращалось. Всего пять ярдов, три, два, один, вот его нога... Она уже схватила ее за щиколотку и с силой дернула на себя. Сама же, дотянувшись до резиновой камеры, подобно метателю молота, развернула ее в сторону, где предположительно находился Элиансито, и что есть мочи вытолкнула от груди единственный шанс на спасение самого дорогого, чем она обладала, – ее первенца, ее сыночка.

Где он?! Неужели поздно?! Неужто все кончено? Ее жизнь – ничто, только бы успеть, только бы доплыть до маленького...

Что-то потянуло ее назад. Это была жилистая рука Ласаро. Он вынырнул из закружившего его океанского вихря. Элис повернулась к нему и... получила удар. Мощный удар кулаком в переносицу. Ей не было больно, и хлынувшую струей кровь волна смыла соленым шлепком.

Впервые он ударил ее. Он был сильнее. Но она была мужественнее. Он пытался спасти свою жизнь, а она – жизнь своего ребенка. В этом было ее главное преимущество. Она отключилась лишь на мгновение, а очнувшись, возобновила преследование.

Волны будто шутили над Ласаро, устраивая пляски перед его носом и мешая определить местоположение спасательной камеры. И это еще что? Опять эта ведьма! Надо было треснуть ее в лоб, чтоб уж наверняка. Она вцепилась в него обеими руками, и что она делает?! Что она надумала?! Он бил ее по голове, колот пальцами глаза, драл волосы... Все бесполезно.

– Отвяжись от меня!!! – неистово хрипел в паническом ужасе задыхающийся горелощан. Она уже держала мертвой хваткой его кадык и тащила на дно, за собой, потому что твердо решила достичь океанских глубин в мужском сопровождении. Только бы узнать, где там ее мальчик, дотянулся ли он до камеры?... Она погибала, ликвидируя своей смертью угрозу Элиану.

Тело Ласаро, оторвавшись от рук Элис, нашло приют у большого рогатого коралла-мозговика, окруженного перьями горгоний. Это инородное падение растревожило колонию двухметровых трубчатых губок. Они облепили труп словно пиявки, выделив немереное количество лилового красителя. Красное тело вскоре заметили акулы, но не тронули, посчитав ядовитым. Как не дотронулись и до тела уснувшей вечным сном Элис, примостившейся в труднодоступной для их массивных челюстей уютной ложбине меж черных кораллов, в укромном стойбище спинорогов и морских ангелов – кочевников Атлантики.

Диковинные рыбы что-то шептали спящей красавице, представляя себя стражами, изгоняющими суету и сомнение. Они накладывали макияж безмятежности на ее лик, пыта-

ясь смахнуть с ее лица застывшую пелену необъяснимого страха. «Не тревожься, принцесса... – посвященный прочитал бы их немые излияния по губам. – Это самое красивое из земных захоронений. Здесь покой и умиротворенность...»

Вот только суровый группер как всегда теребит плавниками и виляет хвостом, словно знает что-то важное, что поведает только тогда, когда перед ним расступятся остальные. Что ж, пожалуйста. Донеси свою весть, хвастунишка. Что ты видел там, на высоте, у поверхности лукавых вод?

Какой-то тонущий мальчик из последних сил дотянулся до резиновой камеры, вскарабкался на нее и удержался до наступления штиля. И теперь он спит посреди мерцающей глади океана. И солнце щекочет его ноздри...

И все? Всего и делов-то... А надулся так, словно знает действительно нечто важное!

«Не хотите слушать – как хотите». Группер сорвался с места, заприметив голубое чудо – хирурговая рыбка зазывающе шмыгнула из-за коралла, намекнув, что в ней группер найдет более благодарного слушателя. Однако не успел группер исчезнуть, как саркастичные спинороги и ироничные морские ангелы ощутили всей своей чешуей, что от тревоги в их тайной ложбине и след простыл, а с лица их принцессы сошла мимика неведомого страха и появилась загадочная улыбка...

Утро 23 ноября 1999 года Открытое море, 10 миль от порта Ки Вест, южная оконечность Флориды

– Человек за бортом! – заорал бородатый рыбак, спуская шлюпку на воду.

Чьи-то сильные руки аккуратно погрузили мальчика в лодку и подняли на борт дрейфующего рыболовецкого трейлера, где Элиан сразу очнулся.

– Сорванец, как же ты тут очутился? – не ожидая ответа от обессиленного мальчугана, пережившего Бог знает что, бормотал один из его спасителей.

– Мэ сьенто мареадо,²³ – дрожащим голосом пропищал распластавшийся на деревянной палубе малыш.

– Что он сказал? – потребовал перевода капитан-ирландец.

– Жалуется, что его укачало, – не оборачиваясь, ответил бородач-кубинец, сразу смекнувший, что пацаненок – его земляк.

В команде кубинцев хватало. Они перебрались в Майами еще во времена Камариоки, в 62-м после Карибского кризиса, когда Кастро впервые заявил, что построение социализма – дело добровольное и что он никого не держит. Из кубинского порта Камариока стали курсировать сотни катеров и яхт, перевозя тысячи недовольных, таких, как этот бородач. Он был представителем свободной профессии и надеялся, что ювелирное дело прокормит его в Штатах. Не тут-то было. Золотых и бриллиантовых дел мастер-еврей, исследовав опытным взглядом навыки и манеру «кубинского Фаберже», каковым сам себя мнил переселенец, снисходительно предлагал ему, нет, даже не работу подмастерья, опасаясь, что беженец с голодухи может и на воровство пойти, а платное обучение у какого-то сосунка-очкарика. Неприятный наставник, посмотрев на его изделия, изрек на первом же занятии: «Это безвкусица и примитивизм. Такое никто не купит». И тогда несостоявшийся ювелир хлопнул дверью и стал рыбаком.

Его тянуло туда, где им восхищались, где он был уважаемым человеком, но, как говорится, – *muuy pronto en la vida es demasiado tarde*²⁴... На родине он теперь принадлежал к «эскория»,²⁵ а значит, путь домой ему был заказан. А тут, на трейлере, он хоть чуточку, но был поближе к родным берегам, особенно в сравнении с теми, для кого весь мир теперь ограничивался кварталами Маленькой Гаваны.

– Куаль эс ту номбрэ?²⁶ – спросил мальчика добрый рыбак.

– Элиан, – молвил малыш.

– Куаль эс ту апейидо?²⁷

– Гонсалес... Тэнго амбрэ?²⁸... – прервал допрос Элиансито.

– С ним все будет в порядке, – отрапортовал рыбак. – Он хочет есть. Тащите рис с фасолью! Там, на камбузе, в казанке. Он еще не остыл.

²³ Me siento mareado. – Меня укачало (*исп.*).

²⁴ Muuy pronto en la vida es demasiado tarde. – Очень быстро в жизни бывает слишком поздно (*исп.*).

²⁵ Эскория – термин, обозначающий «отбросы» или «грязную пену». Так стали именовать патриотически настроенные кубинцы покидающих страну эмигрантов, считая их предателями родины.

²⁶ Cual es tu nombre? – Как твое имя? (*исп.*).

²⁷ Cual es tu apellido? – Как твоя фамилия? (*исп.*).

²⁸ Tengo hambre. – Я проголодался (*исп.*).

Принесли миску с кангри. Элиан никогда не думал, что обычные «морос и кристианос»²⁹ – еда, какую он пробовал сотни раз, может быть такой вкусной. Потом его угостили тостонес – обжаренными в масле ломтиками бананов. Этот десерт был коронным блюдом его любимой мамочки. Она, наверное, где-то рядом, ее нашли другие рыбаки, и скоро они все вместе, он, папа и мама, сядут за обеденный стол, накрытый всевозможными яствами, такими же вкусными, как угощения щедрых рыбаков.

Их, конечно, папа и мама должны обязательно пригласить и накормить до отвала. Мама специально для них приготовит жареного цыпленка и камароне.³⁰ А на десерт подаст мармелад из гуаябы. Вкуснятина! Пальчики оближешь! Мальчуган довольно сощурился в предвкушении неминуемых гастрономических восторгов его новых друзей.

– Надо будет дать объявление в «Эль нуэво геральд». Думаю, его родственники отзовутся. Не усыновлять же нам его, – размышлял вслух угрюмый капитан, с любопытством взирая на лопоухого волчонка, который проглатывал одну за другой дольки банана, не пережевывая.

– Йес, сэр, – кивнул рыбак. – Уверен, родные отыщутся. Иначе мы разоримся на его пропитании, этот обжора поглощает еду, как элеватор. Постановка на довольствие этого троплодита обернется для команды гибелью от голодной смерти.

Рыбаки захохотали. Они только что спасли человека, и человечек этот был цел и невредим...

Смеялся и Элиан. Он хоть и не понял смысла сказанного, но всем сердцем чувствовал дружелюбную атмосферу и радовался своему спасению. Глаза рыбаков, их веселый нрав излучали искренность. Этого было достаточно. Все было ясно как Божий день, новый, солнечный и безветренный. Во взглядах рыбаков он отражался сладкой безмятежностью и заразительным спокойствием. Хотя, говорят, даже взрослые не все умеют читать по глазам. Но в этом случае все было просто. *Quen no comprende una miradatampoco comprendera una larga explicacion...*³¹

²⁹ «Морос и кристианос» – «мавры и христиане», черная фасоль с белым рисом. Национальное кубинское блюдо.

³⁰ Камароне – тушеные кубинские креветки.

³¹ *Quen no comprende una mirada tampoco comprendera una larga explicacion.* – Кто не понимает взгляда, тот не поймет и длинных разъяснений (*исп.*).

2 декабря 1999 года

Гавана, Куба. Дворец революции, резиденция Председателя Государственного совета Республики Куба Фиделя Кастро Рус

Они беседовали с команданте несколько часов кряду подобно двум старым приятелям. Просто один из них по праву являлся наставником. Мудрым, а значит, добрым. Хуану Мигелю не терпелось кое-что спросить.

– Фидель, – как-то обреченно прошептал он, – неужели возможно, что американцы не отдадут мне моего мальчика?

Лидер Кубы с грустью погладил бороду и кивнул.

– Тогда прикажи спецназу выкрасть моего Элиансита или дай мне оружие, чтобы я сам это сделал! – решительно произнес отец мальчика.

– Нет, стратегия уже выработана. Я выступлю в прямом эфире по национальному телевидению. Я помогу тебе. Куба поможет тебе. Мы поведем борьбу легитимными средствами. Поднимем мировую общественность. Позволь попытаться цивилизованно, как подобает суверенному государству, подойти к этой проблеме и с Божьей помощью победить. Дай нам шанс урегулировать спор процессуальным путем. Тем более свое не крадут. Свое возвращают...

Мама Элиана погибла. Ты единственный, кто имеет законное право воспитывать мальчика. Но подумай, что ты требуешь. Какими последствиями грозят действия кубинского спецназа на территории враждебного государства? Такое решение было бы ошибкой.

Я понимаю твои чувства, но прошу, пожалей не только себя, но и своих соотечественников. Не надо во всем подражать бесшабашному Фиделю, который готов даже сегодня, будучи глубоким стариком, снова уйти в горы Сьерра-Маэстры по малейшему поводу, бродить по непроходимым мангровым зарослям и отбиваться от полчищ москитов, думая, что все без исключения кубинцы такие же сорвиголовы, как их вождь.

Провокации не закончатся никогда. Но мы уже не те, что прежде. Мы не слепые котятки и выучились урокам дипломатии, тактике информационного противостояния. Народ давно устал от постоянного напряжения и жаждет мирной жизни. Мечтает о добрососедских отношениях со всеми. И с США в первую очередь. Но там меня уже причислили к легиону чертей вместе с Саддамом, Бен Ладеном, Ким Чен Иром и Лукашенко. Они не хотят договариваться со мной. А мой народ не хочет, чтобы американцы договаривались с кем-либо, кроме меня. Замкнутый круг. Но мы разорвем его силой правды. За своего маленького гражданина вступается не Фидель, а Куба. Они не хотят разговаривать с Кастро?! Тогда им придется вести переговоры со всем кубинским народом, и ты, простой парень из Карденаса, будешь его полномочным представителем...

После этих слов Фидель глубоко вздохнул и доверительно добавил:

– В жизни я совершал много ошибок. В силу собственной неопытности, влияния среды, кажущейся невозможности сделать что-то по-другому. Потом я раскаивался. Иногда было уже поздно. Как в случае с вторжением советских войск в Чехословакию, которое я не нашел в себе силы осудить. А еще больше – со второй волной национализации, когда мы под советскую копирку начали раскулачивать зажиточных гуахирос. Мы тогда обидели людей. Долго потом расхлебывали. Но самой большой моей ошибкой я считаю одну давнюю историю, которой не было ни в одной хронике. Тогда я был слишком молод, не в меру вспыльчив и эгоистичен. Тебе я расскажу об этом. По очень большому секрету...

Моего сына Фелелито увезли в Америку без моего ведома. Это сделала его родная мать, моя первая жена Мирта Баларт. Она была хорошей женщиной и преданной женой. Это ее дядя – приспешник Батисты – заставил ее совершить глупость. Мы тогда отправили в Майами отчаянных ребят. И они доставили на Кубу моего мальчика. Я до сих пор жалею об этом. Нельзя было лишать ребенка материнской ласки. Я обидел женщину, которая искренне меня любила, но так же была предана своему семейству и находилась в тисках своего знатного происхождения.

Она до конца верила, что могла меня образумить. И по научению своей семьи сотворила глупость. И что же я? Я ответил глупостью на глупость, что признаю только теперь, спустя много лет. Я наказан за это.

Когда Фелелито вырос, он стал несносным, все время упрекал меня за то, что я не посчитался с его матерью. Но худшим из наказаний было то, что моя маленькая Мирта никогда, до самой смерти, не позволила себе сказать ни единого дурного слова в мой адрес. Ничего плохого о человеке, навсегда лишившем ее сына. Она не только не заявила о похищении властям, она даже узнавала об успехах своего дитя через чужих, малознакомых людей, боясь хоть как-то навредить своим вниманием родному чаду. Поэтому эта история не получила широкой огласки.

Другие не упускали случая заработать, обливая грязью Фиделя Кастро. В Америке это делала моя родная сестра Хуана. Из Испании доносились обвинения от родной дочери Алины. Она называла меня сумасшедшим и распространяла невероятные слухи. Молчала только Мирта, единственная женщина, перед которой я действительно был виноват...

Гавана, Куба Август 1947 года

Набережная Эль Малекон, как и обещал президент Грау Сан-Мартин своим американским покровителям, заполнилась восторженным народом ровно к полудню. До истечения его властных полномочий оставался год, но участь «антильского демагога» уже была предопределена. Кресло под ним шаталось. «Гринго» считали «приятеля Грау» слишком трусливым из-за того, что он пытался выслужиться не только передними, но и перед главами местных банд. Двоевластия американские гангстеры допустить не могли. На трон должна воссесть более надежная марионетка.

Присутствующий в свите президента «маленький сержант» в полковничьих погонах, амбициозный метис Фульхенсио Батиста, всем своим пресмыкающимся нутром чувствовал, что грандиозным планам «гринго» по превращению его страны в супербордель не суждено осуществиться без его деятельного участия. Следовательно, на Грау пора ставить крест.

– Пусть начинают шествие. – Сан-Мартин дал отмашку распорядителям карнавала через своего порученца.

Белоснежный круизный лайнер «Бенджамин Франклин» с влиятельными янки на борту находился в двухста ярдах от швартовых кнехтов. На причале, в месте запланированного схода высокопоставленных гостей по корабельному трапу выстлали ковровую дорожку – удлиненную копию национального флага. Никому и в голову не приходило, что в ситуации с буквальным затаптыванием государственного стяга присутствует политический подтекст. И цинизм. Во всяком случае, действо обещало быть символичным.

По всему периметру ковровой дорожки торчали декоративные, до сверхнасыщенной густоты опрысканные золотым спреем пальмы. Они были увешаны, словно рождественские ели, коробками с кубинскими сигарами, чучелами колибри, дятлов-карпентеров и токороро, бананами, ракушками и бутылками рома «Патикрусато» с бантиками на горлышках.

Сан-Мартин суетился на пирсе, как школьник в ожидании суровых, но справедливых экзаменаторов. Больше всего Грау волновался за приветственные пушечные залпы из двух крупнокалиберных орудий, вылитых в полном соответствии с эпохой Колумба и доставленных по такому случаю в крепость Кастильо-дель-Морро напрямую из Мадрида.

Событие действительно не походило ни на одну имевшую доселе место в мировой истории встречу в верхах. Это была встреча продавца и покупателя. Товаром была Куба...

Коррупцированный режим Сан-Мартина стал хоть и не идеальным, но гарантом безопасного отмывания грязных денег американской мафии, а Куба в ближайшие годы имела все шансы превратиться в плацдарм долгосрочного перемирия между гангстерскими семьями.

Инициировали «кубинское совещание» давний друг Лучано Счастливого, король гемблинга³² и финансовый гений мафии Мейер Лански и чикагский мафиози Сальваторе Джанкано. Начавшееся освоение Лас-Вегаса и миллионные инвестиции в Неваду не мешали кланам задумываться о параллельном развитии бизнеса. Будущее на Кубе представлялось еще более радужным, чем ожидаемая прибыль от казино в пустыне.

Богатые американцы, вне всякого сомнения, предпочли бы остров белых пляжей, королевских пальм и вечной фиесты штату с репутацией ядерного полигона. Приличная удален-

³² Гемблинг – сленговое выражение, обозначающее «игорный бизнес», зачастую термин используется для описания игорного недуга – патологического влечения к азартным играм.

ность от опеки вездесущих федералов и лакейская услужливость местного царька торопили мафиози к скорейшему принятию основных тактических решений для утверждения единственной стратегической задачи – Куба превратится в рай на Земле, с одной лишь оговоркой – рай только для них.

Скини де Амато – казначей Сэма Джанкано – всюду следовал за своим патроном, сжимая в руках два набитых кэшем увесистых кейса. Наличные предполагалось потратить на политику. Комиссия, высший консультативный совет сицилийской мафии, одобрила кубинскую инициативу. Присутствие в качестве пассажиров на «Бенджамине Франклине» людей Лаки Лучано, Альберта Анастасиа, представителей семьи Бонано, братьев-рэкетиоров Рокко и звезды «Коламбия рекордз», любимца голливудских старлетов Фрэнка Синатры в привычной для него роли штатного шоумена мафии говорило о согласованности действий всех семей и полном единодушии в отношении равного участия в дележе кубинского пирога.

Одно «но»... По ту сторону Флоридского залива собственный пасьянс раскладывал небезызвестный Вито Джановезе, предавший Муссолини и вернувшийся из Италии героем высадки. Вито чувствовал себя обойденным, а ведь он тоже положил глаз на Кубу с ее гигантским потенциалом из трехсоттысячного контингента проституток³³... Правда, главным мотивом Вито была давняя неприязнь к Альберту Анастасиа и желание вернуть утраченные вследствие вынужденной «командировки» позиции в мафии. Своего бывшего патрона Лаки Лучано Вито уже не воспринимал всерьез. Во-первых, потому что Счастливого депортировали в Италию, а во-вторых, тот плясал под дудку еврея Лански, который убедил «каподи тутти капи»,³⁴ что Вито метит на место короля...

Пусть даже и так! С каким бы удовольствием Вито продырявил лоб этой хитрой лисе Лански. Но тот прятался за спиной головореза Багси Сигела и прикрывался дружбой с непрекаемым Лаки, которого все до сих пор уважали и боялись.

С Лански Вито решил повременить. Но вот с Анастасиа тянуть больше было нельзя. Ведь иначе этот главарь треста киллеров сам доберется до него. Вито заблаговременно вышел на контакт с одним из «капо» семьи Анастасиа Карло Гамбино, пообещав ему поддержку в случае, если он ликвидирует своего босса. Вскоре Альберта Анастасиа не стало. Он встретил свою смерть в парикмахерской. Карло Гамбино возглавил собственную семью, а Джановезе мог спокойно устремить свой взор на Кубу с тем, чтобы помешать Мейеру Лански безраздельно господствовать на острове. Лански действительно не дремал. Впоследствии он подарил Батисте отель «Националь» в Гаване и пообещал платить три миллиона долларов в год за эксклюзивное право распределять места под застройки отелей и казино на кубинском побережье.

Но до этого еще было далеко. Почти пять лет. А пока Лански и компаньонам пришлось побороться с Джановезе. Они недооценили его дерзость. В 1948-м Вито удалось завести дружбу с новым президентом Кубы Прио Сокаррасом. Однако амбиции Вито вовсе не доминировали над его дальновидностью. Свою временную победу над Лански и другими нью-йоркскими семьями он готов был обменять на долгосрочное перемирие с условием предоставления ему равных возможностей отмывать барыши на острове борделей и казино.

Согласие на переворот во главе с «карманным сержантом Лански» Фульхенсио Батистой Джановезе дал только в 1952 году после удавшегося покушения на Альберта Анастасиа и слова Джо Бонано, заверившего, что ни Лански, ни кто-нибудь другой не станут препят-

³³ Трудоустройство «армии» проституток после революции стало сущей головной болью победителей. По воспоминаниям работников советского посольства, трудившихся на Кубе в первые годы революции, Кастро приказал посадить их за руль государственных такси. Количество дорожно-транспортных происшествий резко возросло, но инициатива была заморожена лишь после аварии, в которую по вине бывшей проститутки, перепрофилировавшейся в шоферы, попал сам команданте.

³⁴ Капо ди тутти капи – босс всех боссов (*ит.*).

ствовать гостиничному и игорному бизнесу Вито в Гаване, а также посягать на жизнь его кубинского «друга» Прио Сокарраса. При этом, зная приоритеты организации Джановезе, было заявлено, что торговлю наркотиками семья Бонано приветствовать не будет: «Расслабиться ведь можно и без этого дерьма, когда вокруг столько телок и рома».

Свергнутый «легитимный» президент, хоть и приобретший устойчивый имидж вора, мог пригодиться на случай, если диктатор начнет зарываться. Таким образом Вито убедил глав других семей, что живой Прио нужен и им.

На том и сошлись. При Батисте Вито построил отель с казино в Гаване. Шли годы, и диктатор его не раздражал, а значит, Сокарраса можно было со временем скормить кровожадному Фульхенсио и коллегам по мафии. Брось кость собаке, и она забудет об утиной грудке.

Надобность Сокарраса для Вито отпала еще и потому, что конкуренты не противились его прямым, без их посредничества, контактам с Фульхенсио. Этот пройдоха оказался хорошим малым. Места под солнцем хватало всем. Куба была золотым дном, с каждым годом преобразующимся в настоящее Эльдorado. Диктатура Батисты устраивала всех, у кого водились деньги.

Ставка на него была сделана не случайно. В отличие от либерала-вора Сокарраса «зловный метис» мог обеспечить сохранность американских вложений, подавить любое инакомыслие и расправиться с оппозицией в зародыше. Для этих целей в его распоряжении была вооруженная на деньги мафии сорокатысячная армия.

Кто тогда, в 1947 году, на карнавале, официальным поводом для которого стало создание Комитета американо-кубинской дружбы, мог подумать, что жизнь следующего впоследствии низложенного президента Кубы аристократа Прио Сокарраса будет спасена во многом благодаря революции и что в многотысячной толпе зевак стоит высоченный брюнет-крепыш с правильными чертами лица и пылким кареглазым взором, которому будет суждено возглавить эту революцию. Глядя на шабаш, устроенный гангстерами и олигархами, парень с ненавистью проронил:

— Янки сейчас вытрут ботинки о наш флаг. Для них наше знамя — всего лишь полотенце в притоне, в который они превращают наш остров...

Спустя годы под руководством этого молодого человека кубинцы выгонят всех, кто сегодня правил этим показным балом. Батиста еле унесет ноги, спасая свою жизнь. Рокфеллер потеряет нефтеперерабатывающие заводы, плантации кофе и табака. Латифундисты останутся без необозримых полей сахарного тростника. Мейер Лански впопыхах забудет на острове кейс с пятнадцатью миллионами наличных долларов и расстанется с надеждой вернуть свои инвестиции. На Кубе меньше всех пострадает Вито Джановезе, но только потому, что к моменту триумфального шествия бородатых повстанцев в июле 1958 года он уже будет обвинен в торговле наркотиками и упрятан за решетку в США. До победы революции осталось двенадцать лет...

А пока с борта шестипалубного судна янки надменно разглядывали бесконечную колоннаду фаролерос — танцоров с разноцветными вертушками и спаренными флажками Кубы и США, демонстрирующими радушие народа к пришлым гостям. Правда, гости изначально претендовали на роль хозяев. Они готовы были продиктовать аборигенам новые правила жизни, универсальность которых доказывалась не референдумами, не более высокоразвитой цивилизацией, а только деньгами. Большими бабками, от которых смердело трупами, но запаха которых никто из них не замечал. Ведь они тоже были трупами. Живыми только номинально. И ненадолго...

Обнаженные до пояса негры заколотили в африканские конги и перкуссии. Сотни полу-голых танцовщиц-латино в экзотических перьевых костюмах задергали ягодицами в такт барабанному бою...

Мафиози один за другим спускались по трапу к ковровой дорожке. Залпами загрохотали пушки. Взводный почетного караула со страху отдал честь. Батиста щелкнул каблукками. Пока еще президент Сан-Мартин по инерции тоже козырнул и преподнес американцам на подушечке символический ключ от Гаваны, что послужило сигналом к запуску фейерверка и воздушных змеев. Ворота города, во все времена считавшегося неприступной крепостью, на сей раз открывали чужакам добровольно. Толпа ликовала, улыбаясь во все зубы и благоговейно ахая всей грудью. Теряющие гордость становятся лакеями тех, кто предпочитает гордости гордыню...

Не до ликования было лишь высокому парню с вьющимися черными волосами, голова которого возвышалась недостижимым пиком над макушками смешанного человеческого леса. Ему только исполнилось 20 лет, и он не стеснялся в своих выражениях и не пытался сдерживать свой гнев.

– Неужели вы слепы?! Они же не скрывают пренебрежения к этому ничтожному паяцу! – во весь голос продекларировал он, чем жутко напугал стоящих рядом людей. Они шарахнулись от него, словно от прокаженного, и рассыпались по сторонам.

Спустя мгновение рядом уже никого не было. Окружающие глазели на разговорчивого здоровяка с почтительного расстояния, не желая ни ввязываться в дискуссию с безрассудным юношей, ни тем более вызывать полицию, наводнившую в этот день набережную Эль Малекон. Однако любопытство – это уже не равнодушие.

Вдруг «исполин» почувствовал легкое прикосновение нежной девичьей ладони. Его тянула за руку прекрасная блондинка, похожая на доброго, но очень хрупкого ангела. Она влекла его за собой подальше от опешивших зрителей.

– Зачем ты подвергаешь себя такому риску? – спросила она, когда увела оратора от народного скопления на приличную дистанцию.

– А тебе приятно смотреть, как кубинцев превращают в людей второго сорта только потому, что мы беднее! – пламенно произнес молодой красавец.

– Не похоже, что ты беден. Я встречала юношей победнее тебя, – оценила девушка его одежду и обувь.

– Я сын латифундиста, но это ничего не меняет. Всю нашу землю скоро за бесценок скупят янки. А тех, кто будет отказываться им ее продавать, они будут в ней закапывать.

– Сын латифундиста? – переспросила юная красотка.

– Да, я сын дона Анхеля Кастро и Лины Рус Гонсалес. Меня зовут Фидель Алехандро, а тебя?

– Я Мирта Диас Балларт, – представилась девушка. – Но если ты – сын латифундиста, то, возможно, и твоя семья получила приглашение на благотворительный бал, который устраивает президент Сан-Мартин в отеле «Националь» в честь американских друзей Кубы.

– Друзей Кубы? – Фидель нахмурил густые брови и зашипел, словно кобра: – У Кубы только два друга – честь и достоинство. И поверь мне, демагог, лижущий ботинки гринго, будь он хоть трижды профессор, не сможет долго обманывать народ. Наш президент всего лишь кукла из папье-маше, которую вот-вот скинут с запястья и поменяют на новую. Истинные кукловоды обучат новую куклу нескольким вещам – громче гавкать на собственный народ, с улыбкой кланяться хозяевам и нещадно расправляться с теми, кто покушается на их собственность.

– Ты всегда был таким злым? Или только, когда увидел холеных гринго, одетых лучше тебя? – прервала его речь Мирта.

– А ты всегда была душой или стала ею в тот момент, когда перекрасилась в блондинку?! – нагрубил Фидель и тут же отчалил подальше от карнавального шествия, раздраженно приговаривая на ходу: – Какая разница, кто как одет?! Можно проходить всю жизнь в одном и том же, главное, чтобы одежда была чистой и выглаженной, как военный френч...

Оскорбленная сеньорита простояла с минуту в гордом одиночестве, затем процедила в пустоту:

– Грубиян, я натуральная блондинка! Ну и черт с тобой! Мне надо готовиться к балу.

Проглотив обиду, Мирта побежала домой. Там ее уже ждали маникюрша и портниха с готовым новым платьем. Пошив дорогостоящего наряда щедро оплатил богатый дядя – будущий министр правительства Батисты.

* * *

Часам к восьми вечера к «Националю» начали подтягиваться лимузины. С легкой руки действующего президента вся кубинская элита – крупные землевладельцы, политики, военные, богема – прибыла засвидетельствовать свое почтение американским инвесторам. Всех угощали тортом и кофе. Официанты в бабочках держали на подносах фужеры с французским шампанским. Текила-герлз в стеганых портупелях с солонками и рюмками, вставленными в патронташ, разносили мексиканское пойло. Девушки в котелках и фраках на голое тело предлагали шотландский виски. Традиционный кубинский ром разливали в лобби-баре. Предполагалось, что гринго, еще не успевшие его распробовать, сосредоточатся у стойки. Местные же предпочитают зарубежные напитки.

Джазовый оркестр виртуозно исполнял «Серенаду солнечной долины». Фрэнк Синатра для здешней публики был не бог весть какой звездой, но как конферансье выглядел довольно сносно. А если бы и нет, то кто бы здесь посчитался с мнением местных царьков.

Постепенно, примерно к полуночи, роль кубинцев сузилась до бесконечных заверений и клятв в верноподданничестве властям и демонстрации гостеприимства к янки. Иные жены местных нуворишей, те, что поправляли платья, выразили свое радушие к чужестранцам в весьма своеобразной форме прямо в номерах отеля. Гринго были довольны.

Синатра почему-то пригласил к микрофону не президента, а полковника Батисту. Сей сюрприз подействовал на местную знать отрезвляюще – стало понятно, кому янки отдают свое предпочтение. Недвусмысленный намек был равен публичному унижению Сан-Мартина.

– Дамы и господа! – воодушевленно, с фужером в руке, начал будущий диктатор. Батиста не испытывал дискомфорта в отношении сконфузившегося президента. Такими мелочами он себя не утруждал. А вот тост... Надо сказать все правильно. Это важно. – Вы знаете меня как ярого поборника демократии и приверженца закона. Я горд тем, что свои убеждения я выковал там же, где получил свое образование. Это была военная академия в простирающейся всего в девяноста милях от нас огромной дружественной стране, оплоте свободного мира и надежном щите против коммунистической чумы, нашем великом северном соседе – Североамериканских Соединенных Штатах! За наших друзей!

Он закончил на пафосе, и толпа зааплодировала. Все, кроме одного человека...

Мирта ошиблась, когда предположила, что отец Фиделя дон Анхель Кастро Архиз получит приглашение на вечеринку в «Националь». Во-первых, дон Анхель жил в далекой провинции Ориенте, во-вторых, был незаметным для столичной публики землевладельцем средней руки, к тому же малообразованным, хотя и живо интересующимся политикой. Ну, и в-третьих, простолюдин по происхождению, иммигрант из беднейшей испанской провинции Галисии, Анхель достиг всего в жизни лишь благодаря природной смекалке и натру-

женным мозолистым рукам – бывший галисийский крестьянин чувствовал себя неуютно в присутствии спесивых наследников крупных латифундий, несмотря на то что о его богатых урожаях тростника в окрестностях Сантьяго ходили легенды.

Сплетники поговаривали, что дон Анхель зарабатывает до трехсот песо в день. И эта информация рождала подобострастие в отношении его сына Фиделя в душах подростков – соучеников мальчика по школе ордена иезуитов.

В одно время к этому предприимчивому дельцу, владеющему самым шикарным, выделяющимся среди других строений домом, зачастили политики из Сантьяго. Своими разговорами и обещаниями они легко убеждали доверчивого дон Анхеля жертвовать крупные суммы на их предвыборные кампании. В результате деньги, добытые потом и бессонными ночами, сгорали в небытии.

Но нет худа без добра. После этих бессмысленных контактов дон Анхель стал, наконец, прислушиваться к доводам и увещеваниям своей полуграмотной супруги, уроженки провинции Пинар-дель-Рио Лины Гонсалес Рус. Любящая жена добилась желанной цели – отвадила назойливых гостей-попрошак и отбила охоту мужа ввязываться в сомнительные проекты.

Страх перед надутыми грамотеями присутствовал в доне Анхеле и без того. Поэтому уговаривать его не скупиться на образование детей донье Лине не приходилось. Стремление к знанию стало культом семьи Кастро. Благодарные дети оплачивали заботливым родителям прилежностью в учебе.

Выпускник католического колледжа «Белен», сын дон Анхеля Кастро и доньи Лины Рус, Фидель вместе с дипломом об окончании иезуитского учебного заведения получил от ректора монсеньора Саватини грамоту-напутствие, в которой говорилось: «Фидель Кастро Рус сумел завоевать в колледже всеобщее восхищение и любовь. Он хочет посвятить себя юридическим наукам, и мы не сомневаемся, что в книгу своей жизни он впишет немало блестящих страниц...»³⁵

В 1945 году Фидель стал студентом юридического факультета Гаванского университета. Памятуя о единственном явном недостатке отца, которого легко могли запутать высокообразованные проходимцы, и унаследовав от матери неумную жажду знаний, Фидель рано пристрастился к чтению. Даже отправляясь в неблизкий путь, к примеру, в бурлящую неповиновением к проамериканскому режиму Колумбию, в рюкзаке одного из лидеров гаванских студентов по фамилии Кастро умещались лишь аккуратно перевязанные бечевкой стопки художественных и исторических книг. Друзья посмеивались над аскетизмом и нехитрыми пожитками Фиделя, ведь он действительно верил, что способен прожить на двадцать сентаво³⁶ в день, ни в чем себя не ущемляя...

Смех смехом, а в одиночной камере в застенках на острове Пинос – зловещей копии американской тюрьмы Синг-Синг – именно беззаветная любовь к своим спутникам-книгам, скрашивающим насильственное затворничество и помогающим забыть о полной изоляции, однажды спасла ему жизнь. Надзиратель, получивший приказ отравить вождя бунтовщиков, проникся к мужественному узнику большим уважением после одного случая...

В тот день на острове разбушевался невиданный доселе ураган. Небо исторгало гром и молнию, рыдая непрерывным тропическим ливнем. Так вот, во время стихийного бедствия, когда вода хлынула изо всех щелей и трещин в камеры, заключенный Кастро первым делом бросился спасать свои книги. Предупрежденный несостоявшимся убийцей Фидель

³⁵ Цитата из книги Морейона Родригеса «Фидель Кастро. Биография», изданной в 1959 году в Гаване.

³⁶ Покупательная способность двадцати сентаво в то время была эквивалентна стоимости билета в кино, мороженого и свежего выпуска утренней газеты.

отказался тогда от батистовской похлебки, заявив о начале голодовки в знак протеста против бесчеловечных условий содержания заключенных.

Потом ему разрешат свидание с Миртой, и она, как обычно, будет уговаривать его отказаться от «бессмысленной борьбы» и признать законность хунты в обмен на амнистию. Фидель отметит для себя очевидное – с момента их давней встречи в отеле «Националь» аполитичность Мирты не претерпит никаких видимых изменений. То было их первое свидание, разделившееся на две встречи за один день. Этот денек в августе 1947 года прошел бурно, даже чересчур бурно...

– Это снова ты, и вновь ты выделяешься из толпы не только своим ростом, но и своим явным пренебрежением к оратору. – Фидель был рад услышать уже знакомый голосок худосочной блондинки.

– Оратор – это не про него. Это просто пес, прыгающий на задних лапках в надежде получить косточку пожирнее, – холодно поприветствовал он новую знакомую.

– А ты пришел поглазеть на цирковое представление? Если ты действительно безразличен к таким вечеринкам, что тогда ты здесь делаешь?

– А может, я пришел в надежде увидеть тебя? – перевел разговор в иную плоскость «мачо» с жиденькими усами второкурсника-юриста, чем смутил студентку литературно-философского факультета.

– Зачем же тебе понадобилась дура с рождения, ведь я родилась блондинкой! – с вызовом бросила девушка.

– Не знаю, с чего начать. Набралось целых две причины, чтобы явиться сюда незванным гостем.

– В каком смысле – незванным, – не поняла Мирта, – разве ваша семья не получила приглашения?

– Нет.

– А как же ты вошел без него?

– Я его украл.

Ответ рассмешил красавицу. А ведь он был не так далек от истины. Приглашение поступило в Гаванский университет в единственном экземпляре, и пришло оно на имя не пользующегося авторитетом формального лидера молодежной организации. Радикально настроенные студенты долго не размышляли, кому следует пойти на бал. Было решено использовать трибуну для политического заявления. Подготовить акцию не удосужились, но революционный пыл горячил молодую кровь.

Тем временем Мирте не терпелось узнать, какие же две причины сподвигли этого красавца на визит в «Националь», где собралась столь неприятная для него компания:

– А теперь поведай мне о двух причинах, толкнувших тебя на приход в эту клоаку льстецов и паяцев. Надеюсь, главная причина – это я? Ты, наверное, хотел меня увидеть, чтобы извиниться за грубость?

Не успела Мирта получить хоть какой-нибудь ответ, как в отель с визгами и улюлюканьем табуном ворвался «революционный авангард» гаванского студенчества. Человек сорок, в основном юношей не старше двадцати, влетели в фойе, сметая на своем пути охранников, швейцаров и метрдотелей, выкрикивая антиправительственные лозунги и забрасывая буржуа и плантаторов гнилыми помидорами.

– Вот она... главная причина! – неистово выпалил Фидель и, распахивая публику локтями, устремился к сцене.

Путь ему преградили дюжие молодцы из личной охраны Грау. У трибуны началась потасовка. На помощь Фиделю подоспели соратники.

Неадекватная мимика музыкантов джаз-банда и растерянность конферансье контрастировали с уверенным натиском хулиганов. Подавить наступление бесчинствующих молодчиков вызвался адъютант Батисты, расвирепевший от прямого попадания помидора на его новый парадный мундир. Он выстрелил вверх из «беретты», но неудачно попал в огромную хрустальную люстру. Дождь из осколков посыпался на еще недавно степенную публику, усилив ее паническую давку. Пара дам упала в обморок, и их мужья неуклюже пытались вынести их подальше от вакханалии. Горе-стрелок, заметив, что его патрона, президента и американскую делегацию увели от греха подальше, смекнул, что геройствовать не перед кем, и отправился за подкреплением.

Добравшись до трибуны с гербом Кубы, один из младопатриотов сорвал с декоративного флагштока звездно-полосатый стяг, скомкал его и швырнул в толпу. Затем завопил в микрофон что-то не очень соответствующее моменту: что-то про флору и фауну. Ему одному понятный язык глубоких метафор оказался недоступным для аудитории по определению, а вовсе не из-за того, что микрофоны кто-то уже отключил. Разочарование не сломило парня, он втянул в себя кубометр воздуха и заорал на выдохе:

– Гринго! Гоухоум!

Эту реплику поняли все, периодически или хотя бы раз в жизни каждый ее выкрикивал, но в целом спич не состоялся. Неудавшегося Цицерона стащили с трибуны три пары волосатых рук. Фойе наводнили полицейские и военные с хмурыми физиономиями и люди в штатском с мордами шарпеев. Штатские отдавали распоряжения тем, что в форме. Дебоширов вскоре оттеснили к выходу, поколотив как следует дубинками. Кое-кому из них заломили руки и погрузили в полицейские кебы и армейский грузовик.

Фидель снова избежал ареста. Просто те, кто пытался его скрутить, лежали на лакированном паркете, корчась от боли, словно обезьяны-бандерлоги, задетые лапой грозного медведя Балу.

А Мирта... Она ни на шаг не отошла от бесшабашного героя. Как только прояснилось, что полуспонтанная акция студентов с треском провалилась и порядок в отеле мало-помалу восстанавливается, она, не стесняясь, взяла его под руку и повела к выходу.

Одна почтенного веса дама в бальном платье вдруг предательски зашипела, а затем взвизгнула, тыкая сложенным веером в сторону здоровья:

– Это их предводитель! Это их вожак! Вот этот детина с противными усиками!

Благо возгласы сеньоры захлебнулись в общем гаме, да и Мирта, подобно хищной кошке, угрожающе фыркнула на разолачительницу. Та, не найдя поддержки, открыла веер и учащенно им замахала, продолжая шипеть то ли от жары, то ли от злости.

Адъютант Батисты с подкреплением прибыл под занавес спектакля. Он не застал своего обидчика – лохматого метателя помидоров. Хулигану повезло. Попадись тот на глаза, первым делом его бы заставили отстирывать вручную испорченный мундир.

– Оцепить отель! Рассредоточиться по периметру! – деловито отдавал он запоздалые команды солдатам, рыская глазами в поисках своего патрона...

Что до Фульхенсио, то ему наглая вылазка оголтелых радикалов сыграла на руку. Мейер Лански и Сэм Джанкано лишний раз убедились в неспособности президента Грау предотвращать подобные выступления экстремистов. А ведь выходка желторотых и невооруженных юнцов – лишь «цветочки» в сравнении с «ягодками», с представляющей реальную угрозу левой оппозицией.

– Он никогда не мог прогнозировать явление и упреждать его, – уверял бывший штабной писарь-высочка своих американских хозяев.

– А ты сможешь? – хищно зыркнул на него Лански.

– Я создан для этого, – клятвенно заверил Фульхенсио. – Я сгною этих бездельников в тюрьмах, а зачинщиков беспорядков буду казнить. Просто расстреливать без суда. Создам специальную структуру, которая будет охотиться за ними. Открою сезон охоты на красных.

– Тогда ты ничем не будешь отличаться от диктатора Мачадо и тебя тоже свергнут, – высказал свое мнение Сэм Джанкано.

– Не забывай, что Мачадо сбежал в 33-м на Багамы именно благодаря нашему другу Фульхенсио, – напомнил Лански, к удовольствию Батисты, и добавил: – Ладно, мы сделаем тебя президентом и подарим этот шикарный отель «Националь». Но и ты помни, что мы потратили и еще потратим здесь колоссальные деньги и обоснованно потребуем защиты своих вложений от посягательств кого бы то ни было.

– Армия Кубы в вашем распоряжении, – словно отпартовал тронутый Фульхенсио.

– А в твоём распоряжении коза ностра, – улыбнулся Сэм. От его реплики пахло утрашением. Но Батиста не боялся ответственности. Он сумеет выслужиться и перед мафией, и перед ЦРУ, когда получит безграничную власть над своим народом. Он готов был освятить свою клятву верности дарующим власть кровью. Не своей. А с алтаря человеческих жертвоприношений. Его предки-индейцы из племени сибонеев иногда, в религиозном запале, не знали числа тем, кого отдавали на заклятие своим идолам.

– Капо, здесь какие-то люди! – доложил боссу один из телохранителей. Джанкано резко отпрыгнул от кустарника, где заметил отчетливое шевеление. Двое других охранников уже достали свои револьверы в готовности отразить атаку и прикрыть Лански и Джанкано. Фульхенсио тоже извлек из кобуры свой пистолет с инкрустированной рукоятью и гравировкой в виде уникальной кубинской бабочки на стволе и показательно принял позу телохранителей.

– Босс, здесь в кустах сладкая парочка! – дебильно улыбнулся беззубый гангстер.

Мгновенно сориентировавшаяся Мирта вовсю целовала Фиделя. Не сказать, что он пытался сопротивляться. Напротив, ораторы любят целоваться с красотками.

– Мирта Диас? – удивленно расширил глаза Батиста. – Я знаю ее. Это племянница моего будущего министра внутренних дел. С кем это ты?

– Это мой друг Фидель. Он сын латифундиста из Бирона, – извиняющимся тоном лепетала девушка. – Не рассказывайте, пожалуйста, дяде и отцу.

«Por favor»³⁷ в ее устах прозвучало молебно и услужливо, что для раболепного и одновременно властного, что присуще лакеям до мозга костей, Фульхенсио показалось единственно верной интонацией в данном конкретном случае. Он, конечно же, не станет разоблачать юную девочку перед суровым папашей, лишний раз продемонстрирует свою снисходительность, которая ничего не будет ему стоить.

Джанкано потерял всякий интерес к обнаруженной парочке и, попрощавшись с Лански и Батистой, отправился в свои апартаменты. Лански проявил большее любопытство.

– Что-то молодой человек воды в рот набрал, – клюнул он Фиделя. – Do you have an invitation?³⁸

Фидель молчал, что могло быть воспринято всего лишь как незнание им английского. Мирта молила Бога, чтобы юноша себя не выдал. Но, похоже, от нее уже ничего не зависело. К Батисте подбежал его запыхавшийся адъютант. Видимо, для доклада. Но, увидев высоченного усача, указал в него дулом «беретты», выпалив:

– Esto el caudillo los rebeldes!³⁹ – Он хотел было арестовать Фиделя, но Батиста остановил жестом своего рьяного подчиненного, подошел к молодому Кастро вплотную и прошептал ему на ухо:

³⁷ Por favor. – Пожалуйста (исп.).

³⁸ Do you have an invitation? – Имеется ли у вас приглашение? (англ.)

³⁹ Esto el caudillo los rebeldes! – Это вожак бунтовщиков! (исп.)

– Si de esta manera, estoy tan contento conocer el caudillo.⁴⁰

Фидель продолжал безмолвствовать. Батиста еще раз просверлил его взглядом, сурово глянул на Мирту и, подмигнув Лански, не понимающему ни слова по-испански, изрек больше для адъютанта:

– Es poco probable que lo diga.⁴¹

Мейер Лански ждал разъяснений.

– Мистер Лански, моему адъютанту повсюду мерещатся заговорщики, – взял он под руку своего покровителя, уводя от Мирты и его спутника. – Дети богачей не опасны для нас. У них в голове просто ветер.

– Коммунистический ветер, – поправил его Лански, недовольный тем, что мятежник ушел от заслуженного наказания, словно предчувствовал – неприятности от этого молчуна не заставят себя ждать. Будто в воду глядел.

Фидель никогда не слыл молчуном, но самоуверенный Батиста нив этот, нив последующие разы недооценил этого крепыша, считая неуклюжим выскочкой, подобным десяткам таких же горлопанов из партии «ортодоксов», Федерации университетских студентов и так называемого Революционного директората. К тому же этот долговязый «болван», сам того не зная, оказал ему большую услугу, обнажив выходкой своих соратников всю беспомощность гражданских президентов.

* * *

10 марта 1952 года Батиста на деньги Лански и Джанкано совершил государственный переворот. Народ был в шоке, законный президент бежал в Штаты, хотя путч разоблачался в прессе. Но Батиста, оправдывая перед американцами репутацию человека действия, «сильной руки», закрыл газеты «Ой» и «Ла палабра», журналы «Мелья» и «Ла ультима ора». Люди Фульхенсио осуществили налет на телепрограмму «Универсидад дель аире», разгромили студию и избили журналистов. В довесок Фульхенсио прикрыл нейтральную, нет, созерцательную, абсолютно беззубую телепередачу «Анте ла пренса». Так, на всякий пожарный.

Американская пресса с подачи Лански и нью-йоркских семей оправдывала действия диктатора необходимостью жесткого отпора распространению коммунистической чумы. «Холодная война» была в разгаре. Батисте и мафии она сыграла на руку. Диктатура установилась.

Фидель оказался в тюрьме после неудачной попытки штурма казарм Монкада в Сантьяго-де-Куба 26 июля 1953 года. Ста тридцати пяти повстанцам противостояли две тысячи солдат регулярной армии. Десятки соратников Фиделя были зверски убиты военщиной. Он чудом остался жив и за решеткой ожидал суда. Кастро отказался от адвоката, решив защищать сам себя.

На слушаниях дела № 37 от 1953 года заседал чрезвычайный трибунал. Именно здесь родился политический лидер не разрозненной шайки мятежников, а общенационального масштаба. «Движение 26 июля» заявило о себе устами своего лидера как о реальной на Кубе силе.

Его обличительная речь в свою защиту, преисполненная праведного гнева, вызвала изумление даже у прихвостней Батисты и была восторженно принята народом.

16 октября в небольшом зале школы медсестер при больнице «Сантурнино Лора» состоялось закрытое судилище над Кастро, уже пережившим два неудавшихся покушения на муниципальной гауптвахте, где его поместили в одиночную камеру. Когда он в полинявшей

⁴⁰ Si de esta manera, estoy tan contento conocer el caudillo. – Если это так, я рад познакомиться с вожакom (исп.).

⁴¹ Es poco probable que lo diga. – Навряд ли он скажет (исп.).

тоге встал во весь рост перед своими обвинителями, те поняли, что зря позволили Кастро говорить. Но было уже поздно.

Его речь длилась намного дольше речи прокурора, обосновавшего необходимость заключения Кастро на 26 лет тюрьмы за две минуты. На самом деле, краткости все равно, чьей называться сестрой – таланта или косноязычия. Фиделю понадобилось несколько часов, и его никто бы не посмел перебить, ибо он говорил правду. Однако прокурор несколько раз прерывал его насмешливыми репликами, гнусными комментариями и колкими вопросами, ответы на которые возвысили арестанта даже в глазах конвоировавших его солдат.

– Мы прибегли к насилию вынужденно, как это делали кубинские герои. Хосе Марти – идейный вдохновитель нашего штурма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.